

Ляна Игристая

ПАЙКИ

ВМЕСТО

ЧУВСТВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ляна Игрстная

Лайки вместо чувств

<https://litres.ru/74239804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знакомьтесь, Изольда. Она верит в чудеса, ловит знаки Вселенной и уже спланировала свадьбу под песни Билана. Мы привыкли менять живые эмоции на смайлики, а искренние разговоры — на короткие сообщения. Но что происходит, когда цифровая иллюзия рушится? Это история о выборе между удобной виртуальной маской и смелостью быть собой — со всеми трещинами, страхами и настоящими чувствами.

Ляна Игристая

Лайки вместо чувств

Ляна Игристая

Лайки вместо чувств

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Ляна Игристая, 2026

Знакомьтесь, Изольда. Она верит в чудеса, ловит знаки

Вселенной и уже спланировала свадьбу под песни Билана. Мы привыкли менять живые эмоции на смайлики, а искренние разговоры — на короткие сообщения. Но что происходит, когда цифровая иллюзия рушится? Это история о выборе между удобной виртуальной маской и смелостью быть собой — со всеми трещинами, страхами и настоящими чувствами.

18+

Оглавление

Лайки вместо чувств

ГЛАВА 1. Код Авроры

ГЛАВА 2. Нижняя строчка, верхние цели

ГЛАВА 3. 21:21. Ангельское благословение

ГЛАВА 4. Пять пролетов до судьбы

ГЛАВА 5. Магия старых девочек

ГЛАВА 6. Дедушка в стиле Dolce

ГЛАВА 7. Шведская семья

ГЛАВА 8. Цифровое изгнание

ГЛАВА 9. Блеск и нищета мужской фантазии

ГЛАВА 10. Краткий курс левитации для начинающих

хищниц

ГЛАВА 11. Два запроса в пустоту

ГЛАВА 12. Осенний сбой в системе игнора

ГЛАВА 13. Искусство исчезать

ГЛАВА 14. Один процент свободы

ГЛАВА 15. Трусость верности с бантом

ГЛАВА 16. Почему Рыбы не клюют на Раков?

ГЛАВА 17. Латте без ожиданий

ГЛАВА 18. 2-НДФЛ как высшая форма романтики

ГЛАВА 19. Миллиардерша на минималках

ГЛАВА 20. Мастер-класс по анти-соблазнению

ГЛАВА 21. Геометрия близости: Дистанция как форма

власти

ГЛАВА 22. Любовь во время гречки

ГЛАВА 23. Ревность на заднем сиденье

ГЛАВА 24. 300 баллов за искренность

ГЛАВА 25. Прайс-лист на гостеприимство

ГЛАВА 26. Как выглядеть дорого, когда внутри — отдел

уценки

ГЛАВА 27. Налог на надежду

ГЛАВА 28. Берег, которого нет

ГЛАВА 29. Цветы в вазе, говно в унитазе

ГЛАВА 30. Тайное общество 999

ГЛАВА 31. Диагноз: Скучно

ГЛАВА 32. Станция «Динамо»

ГЛАВА 33. Аудиокнига для взрослых

ГЛАВА 34. ДепрессЛенд

- ГЛАВА 35. Член при деле
- ГЛАВА 36. Мартовские нежности
- ГЛАВА 37. Тактильный голод
- ГЛАВА 38. Проваленный детокс
- ГЛАВА 39. Ретроградный Оскар
- ГЛАВА 40. Гид по сексу в машине
- ГЛАВА 41. Миндальная связь
- ГЛАВА 42. Чёрная дыра
- ГЛАВА 43. Крик без эха
- ГЛАВА 44. Ярость как антисептик
- ГЛАВА 45. Следствие ведет Изольда
- ГЛАВА 46. Суетолог на льду
- ГЛАВА 47. Леопардовое вето
- ГЛАВА 48. Свист фляги
- ГЛАВА 49. Две недели в режиме «Печатает...»
- ГЛАВА 50. Логистика целомудрия
- ГЛАВА 51. Пин-код от айсберга
- ГЛАВА 52. Синий пёс
- ГЛАВА 53. Несовокупительное мероприятие
- ГЛАВА 54. Марафон иллюзий
- ГЛАВА 55. Идеальная пара: сказочник и гулящая
- ГЛАВА 56. Днём — икона, ночью — вне закона
- ГЛАВА 57. Платная подписка на безумие
- ГЛАВА 58. Превью на миллион
- ГЛАВА 59. Леди по ГОСТу
- ГЛАВА 60. Замша

ГЛАВА 61. Банановый арт-хаус

ГЛАВА 62. Тридцать три оргазма

ГЛАВА 63. Последний выстрел

ГЛАВА 64. 45 километров молчания

ГЛАВА 65. Город двойников

ГЛАВА 66. Двойное дно

ГЛАВА 67. Актриса без сценария

ГЛАВА 68. Эффект Incognito

ГЛАВА 69. Удобная баба — это диагноз

ГЛАВА 70. Эстетика самообмана: Маски из юмора и
фильтров

ГЛАВА 71. Был очень давно...

ГЛАВА 72. Архитектура новой жизни

ГЛАВА 73. Душевный секонд-хенд

ГЛАВА 74. Клуб анонимных мстителей

ГЛАВА 75. Встречная полоса

ГЛАВА 76. Адвокат дьявола

ГЛАВА 77. Супермен на дворниках

ГЛАВА 78. Риторика боли

ГЛАВА 79. Аудит мужских обещаний

ГЛАВА 80. Доставка чувств в конверте

ГЛАВА 81. «Харакири» инфополя

ГЛАВА 82. Бархатные кандалы

ГЛАВА 83. Ошибка 703: формула одержимости

ГЛАВА 84. Исповедь выжившей: одиночество — это но-
вый люкс

ГЛАВА 85. Ошибка аутентификации

ГЛАВА 86. Игры хищников

ГЛАВА 87. Рыночная стоимость чести

ГЛАВА 88. Пасхалки судьбы

ГЛАВА 89. Канадский бобр

ГЛАВА 90. Герман Оскарович, который не случился

ГЛАВА 91. Оскар за лучшую роль второго плана

ГЛАВА 92. Осторожно, двери закрываются. Или нет?

ГЛАВА 1. Код Авроры

Изольда вышла из темного подъезда старого кирпичного дома и вдохнула прохладный воздух. Осень пахла мокрым асфальтом и листвой. Рюкзак, как всегда, тянул плечи, но ей нравилось это ощущение — как напоминание, что она всё делает не зря.

Вечерняя школа давно стала для неё почти домом. Там собирались самые разные люди: кто-то просто не вписался в обычную школу, а кто-то, как она, пытался успеть всё сразу — и учёбу, и работу, и немного жизнь.

Днём она была президентом школы — организовывала собрания, решала конфликты, украшала актовый зал перед праздниками. А вечером — серьёзная, собранная, в строгом пиджаке — шла в офис партии.

Там её ждали взрослые разговоры, отчёты, списки, планы, митинги. Пока одноклассники гуляли по торговым центрам,

она раздавала листовки и печатала обращения.

Сегодня в офисе было особенно шумно. Кто-то спорил у окна, кто-то ругался с принтером, пахло кофе и типографской краской. На большом столе лежали стопки газет и листовок — как обычно.

Изольда машинально взяла верхнюю газету и развернула.

На первой странице — крупное фото. Женщина в длинном пальто, с идеальной укладкой и холодным, уверенным взглядом.

Аврора Яровина.

Координатор области. Её имя часто звучало на совещаниях — с уважением и лёгким страхом.

Изольда не смогла отвести глаз.

В этой женщине было всё то, чего хотелось самой: уверенность, сила, вкус. Даже взгляд — будто через толщу стекла: холодный, но притягательный.

«Если у Авроры Львовны родится сын, он станет для меня идеальной партией. Ведь такая женщина, как она, воспитает лучшего мужчину», — неожиданно мелькнуло в голове.

Она усмехнулась — сама себе. Глупая мысль, но почему-то очень яркая.

— Не разглядывай её так, — голос за спиной был резкий, с надрывом.

Изольда обернулась.

Начальница — женщина с вечным запахом табака и дешёвых духов — стояла, сложив руки на груди.

— Эта сучка меня бесит, — сказала она. — Всегда с таким видом, будто мир принадлежит ей одной.

— Но она... красивая, — осторожно заметила Изольда.

— Красивая, да. Только холодная, как лёд, — женщина фыркнула. — Заводит молодых помощников, крутит ими, как хочет. Говорят, питается их энергией.

Изольда тихо рассмеялась:

— Питается энергией? Серьёзно?

— Ну, может, не буквально, — махнула рукой начальница. — Но рядом с ней мужчины быстро сдуваются. Так что лучше держись подальше.

Изольда кивнула, но продолжала смотреть на фото.

И чем дольше она глядела, тем больше ей хотелось узнать о ней. Не из газет, не по слухам — по-настоящему.

Иногда встреча происходит задолго до того, как люди действительно видят друг друга. Просто взгляд задержался на секунду дольше, чем обычно, — и всё, путь уже начался. Она знала — эта встреча ещё не раз изменит её жизнь.

Изольда аккуратно сложила газету и убрала в рюкзак. Почему-то ей казалось, что выбросить её — было бы неправильно.

ГЛАВА 2. Нижняя строчка, верхние цели

Шли годы.

Банальная фраза, да? — Да, но фактически они и правда

шли. Не бежали, не летели — именно шли. Как будто нарочно не спешили.

Изольда окончила школу — уверенно, как будто знала, куда идёт. Хотя, по правде говоря, не знала. Просто шагала, потому что стоять — страшнее. Поступила на строительный факультет.

— Почему не на журналистику? — спрашивали подруги.

— Потому что журналистика платная, а бетон — бюджетный, — усмехалась она.

На строительном факультете было много парней. В основном — в касках и с грубым чувством юмора.

— Рай, — подмигнула соседка.

Изольда только пожала плечами. Никто не запал в душу. Они все казались одинаковыми: шумные, самоуверенные, добрые в меру и скучные по сути.

Она снова ушла в общественную жизнь — форумы, конференции, митинги, концерты. Там было движение, кипела энергия. Она чувствовала себя частью чего-то большего. Пусть и не знала — чего именно.

Со временем Изольда начала писать. Сначала короткие заметки для студенческой газеты, потом рецензии, интервью. Её работы быстро перестали быть просто текстом, в них пульсировала жизнь. Читатели чувствовали этот ритм: казалось, страница не шелестит, а ведет с тобой живой, честный диалог. За это её и полюбили.

Конечно, кому не понравится, когда кто-то пишет искрен-

не. Даже если о скучном собрании студсовета.

Жила она в общежитии. Вечерами слушала, как соседки болтают про своих парней, обсуждают кольца, цветы, «куда он меня позвал».

А Изольда слушала — и улыбалась.

— У меня вот тоже роман, — шутила она. — Я и журналистика. Мы сложная пара, но перспективная.

После двух курсов стало ясно: стройка — не её стихия. В прямом смысле. Чертёж — это не про вдохновение, бетон не пишет стихотворений. Она перевелась в педагогический вуз. Там хотя бы были дети, жизнь, движение.

Учителем работать ей нравилось — особенно когда дети смотрели с тем самым блеском в глазах, будто верили, что мир ещё можно изменить.

Но всё равно чего-то не хватало.

Подруги одна за другой выходили замуж, выкладывали фото с младенцами и подписями «Моё счастье». А Изольда — лайкала. И честно радовалась. Но где-то глубоко внутри зудело: а моё счастье где?

Когда появился Иван, она подумала — вот оно.

Он был надёжный, внимательный, не бежал от ответственности. Они вместе планировали будущее: свадьбу, имена детей, отпуск у моря. Всё было как будто правильно.

А потом — кто-то выключил свет.

Без ссор, без громких сцен. Просто поняли: не то.

И разошлись.

Изольда снова осталась одна. Но теперь это «одна» не пугало — оно стало привычным. Она работала, учила, вдохновляла учеников и иногда себя. Всё вроде на своих местах. Кроме сердца.

И вот однажды друг предложил:

— Подай заявку в молодёжную коллегия.

— Опять политика? Нет, спасибо.

— Да просто попробуй.

Она заполнила анкету — на автомате. И забыла. Когда начался конкурсный отбор, она нехотя глянула результаты. Её фамилия болталась где-то в самом низу списка. Неприятно кольнуло. Ну и ладно, не судьба. «Не судьба» — удобное слово, когда не хочется переживать.

И вдруг взгляд зацепился за имя.

Оскар Яровин.

Она моргнула.

Перечитала. Ещё раз.

Да-да. Яровин.

Фамилия как у той самой Авроры Яровиной.

Что-то ей подсказывало, что они были не однофамильцы. Совпадение? Возможно. Но сердце уже ухмыльнулось.

— *А вот и судьба подмигнула*, — прошептала Изольда.

Она не прошла в коллегия. Но это уже не имело значения. Теперь у неё была новая цель. Познакомиться с ним. Лично.

— *Ну держись, Яровин. Я таки умею находить поводы для интервью.*

ГЛАВА 3. 21:21. Ангельское благословение

«Стоп. А это точно сын?» — посетила мысль голову Изольды. *Ведь Авроре Львовне 60, а Оскару 20.* Благо есть Интернет, где можно найти много информации. По правде, Изольда боялась этой встречи. Весь вечер она искала данные и где-то в глубине души надеялась, что это внук Авроры Львовны. Встретить свою судьбу так неожиданно не входило в её планы. Да и вообще, история с газетой осталась в прошлом, прошло шесть лет.

Оскар был сыном. 100%.

Прежде чем написать ему, Изольда вместе со своими школьницами устроила настоящее расследование. Они углубились в его профиль, просмотрели каждую фотографию, всматривались в мельчайшие детали.

— А ничего так! — вынесла вердикт одна из девочек, склонившись к экрану. — Но фоток мало. Где нормальные ракурсы? Где инфа?

— Он что, шпион? — шутливо фыркнула другая.

Изольда молчала, но сама про себя уже изучила его вдоль и поперёк. Что-то в нём цепляло.

— Надо лайкнуть фотку! — заявила одна из девочек.

— Да ну, — скептически протянула Изольда, скрестив руки. — Детский сад какой-то.

— А что такого? Проверим, лайкнет ли в ответ.

— Это слишком показательно! — нахмурилась она.

Но рука уже тянулась к телефону. И всё-таки лайкнула. Неужели ей настолько интересно, что будет дальше? Прошло всего несколько минут, и экран мигнул уведомлением. Он тоже лайкнул её фотографию.

— Опааа! — раздался восторженный хор девочек.

— Ну, теперь точно добавляй! — подбадривали они.

Изольда закусил губу. Вот так сразу? Это же почти как признание. Ей ли не знать, как это выглядит? Всегда было наоборот — мужчины добивались её, а тут вдруг...

Она открыла его страницу, колебалась. Сердце стучало чаще, чем хотелось бы.

— Ты чё думаешь? — нетерпеливо спросили девочки.

— Да фигня это всё... — буркнула она и всё-таки нажала «добавить в друзья».

Телефон отложила в сторону, притворяясь, что ничего важного не произошло.

Но внутри был азарт.

Прошло всего пару часов, и уведомление вспыхнуло на экране.

«Оскар принял вашу заявку в друзья».

Уголки губ сами собой дрогнули.

Вечером, оставшись одна, она снова открыла его профиль. В темноте комнаты только экран телефона освещал лицо. Она лениво листала фотографии, перечитывала информацию, снова и снова прокручивала момент их сегодняшнего

знакомства в голове.

«Глупость...» — пронеслось в мыслях.

Но пальцы, действуя быстрее здравого смысла, уже вбили первую фразу. Изольда долго всматривалась в буквы, будто видела их впервые. Липкая ладонь, сбившееся дыхание и внутренний торг: «Да или нет?»

Сердце подсказывало: «Пиши», — а разум шептал: «Смысл?»

«Просто поздравь. Что тут такого?» — уговаривала она себя.

Но сердце всё равно било в висках. *Он как никак теперь депутат. У него наверняка сотни сообщений... зачем ему твоё?*

Пальцы коснулись клавиатуры.

Слова появились, будто сами собой:

— Оскар Даниэлович, вы такой молодец! Я очень рада, что вы стали депутатом) Если бы я тоже прошла, то могла бы вам помогать с продвижением вашего проекта.

Она перечитала.

Исправила точку на смайлик.

Потом снова перечитала — и зажмурилась.

Отправить?

Ну что, Изольда, пора. Не на сцену же выходишь. Хотя... в каком-то смысле — да.

Она глубоко вдохнула и нажала «отправить».

Сообщение ушло.

И наступила пауза. Долгая, тягучая, почти физически осязаемая.

Может, зря. Может, слишком официально. Или наоборот — слишком дружески?

Она взглянула на часы: 21:12.

Пять минут.

Семь.

Девять.

Телефон вздрогнул в руке.

На экране — новое сообщение.

Взгляд — на часы. 21:21.

Симметричные цифры.

Она невольно улыбнулась.

Она всегда верила в силу чисел, в их тайные подсказки.

«Это знак, — подумала она. — Симметрия, равновесие. Всё будет хорошо».

— Добрый вечер! На самом деле есть же большое количество возможностей запускать проекты и без коллегии. Если у вас есть какие-либо предложения или проекты, то почему бы не попытаться реализовать их и так?

Официально. Чётко. Почти без эмоций. Ну конечно, депутат. Что я хотела — смайлики в ответ? Но что-то в его тоне — не отстранённость. Скорее, приглашение к разговору.

— Безусловно, вы правы по поводу коллегии! Проекты можно реализовывать самостоятельно, независимо от ко-

го-либо. Чем я и занимаюсь! Если быть честной, то вы красавчик, и я просто искала повод написать вам) А победа на выборах стала отличным поводом!

Отправила.

И тут же — вспышка паники.

Зачем я это сказала?! «Красавчик»? Изольда, ты с ума сошла. Он же теперь точно решит, что ты флиртуешь...

— Спасибо большое, но у меня есть девушка, и самое большее, что я могу вам предложить — это дальнейшее сотрудничество и совместную разработку и реализацию проектов!) Большой плюстик за прямолинейность.)

Она закрыла лицо ладонями.

Ну всё. Провалилась. Как будто я действительно подкашивалась!

Изольда не знала, как реагировать и взяла мини-паузу. Тут же пришло следующее сообщение от Оскара.

— Я так понимаю, что просто сотрудничество вам не интересно?)

«А вот это — с искоркой!» — подумала Изольда. — Или мне кажется? Проверяет, флиртую ли я по-настоящему?»

— Ой, как неловко вышло! Я просто комплимент вам сделала и подумать не могла о каких-то близких отношениях) Тем более я старовата для вас!)) Почему не интересно? Я с удовольствием разработаю и реализую с вами какой-нибудь проект!

Вырулила. Почти. Надеюсь, поверил...

— У вас есть уже какие-либо наработки или идеи?

Серьёзный. Сразу в дело. У него, наверное, даже романтика по пунктам идёт: цель, стратегия, итоги.

— У меня множество прекраснейших идей!

— Есть те, которые находятся уже в работе?

Боже, как он быстро сбивает с настроения. Ни одной улыбки, только факты. Но... это даже притягивает.

— Вы такой прямолинейный! Сразу к делу! Есть те, которые апробируются на ограниченном круге участников.

— Если будут предложения — пишите) С удовольствием помогу, чем смогу.)

Она улыбается.

Он всё-таки открыт. Просто не из тех, кто пишет сердечки. С ним нужно по-взрослому, на равных.

— Я пошутила! Моя сфера — школьники и экология. В эссе вы упоминали проект для трудных подростков — мне эта тема близка, я работаю с ними ежедневно. У вас есть уже какие-либо наработки? Как планируете действовать, чтобы спасти это поколение?

Она чувствует — теперь он должен увидеть, что перед ним не просто «флиртующая женщина», а человек с идеями.

— Есть очень интересный проект, но предметно лучше обговорить его лично. Суть заключается в их социальной реабилитации, и речь идёт именно о тех подростках, у которых имелись неоднократные приводы, или они находились в местах не столь отдалённых. Естественно, этими лицами круг

участников проекта не ограничивается, но общее направление, думаю, понятно.

Лично? О, как официально звучит, но в этом что-то есть... может, это приглашение? Хотя нет, наверняка — просто деловой подход.

— Очень понятно, вчера заседала в комиссии и слушала, как мои школьники отличились на прошлой неделе.)

— И как оно?

— Я поняла одно, что я свою молодость неправильно провела!

— Почему же такое мнение?)

Ответил вопросом. Значит, слушает, не просто пишет из вежливости.

— Потому что они знают, как весело провести выходные, а я буду читать Мольера)) Если что, я шучу!

— Про молодость или Мольера?))

— Затрудняюсь ответить о молодости, потому что дети уже считают меня бабкой)) А творчество Мольера мне нравится.

— Предпочитаю больше что-то в духе Гёте.)

Гёте. Классика. Значит, думает глубоко. Или просто хотел блеснуть?

— На следующей неделе планирую провести с ним ночь и не одну))

Шутка двусмысленная, но я не удержалась. Пусть немного растеряется.

Она улыбается.

Снова флирт? Или игра слов. Пусть думает, что шутка. Хотя, если честно, в ней что-то дрогнуло, когда он написал про Гёте.

— Но это похвально.) Ладно, а что касемо работы. Вы состоите в каких-то общественных организациях?

Она, перевёл тему! Испугался, что флирт? Или спасается в формальности.

— Если хотите, могу в вашу вступить? Пару лет назад меня называли «Королевой батареек», у нас была экологическая организация, но все оставили меня и рванули в бизнес! Сейчас я помогаю «Волонтёрам Победы» и зоозащитникам.

— Очень даже неплохо.) В общем-то можно, мы как раз сейчас набираем новый штат активных молодых людей.) Но тут всё зависит сугубо от вашего желания.)

Он снова пишет вежливо, но будто приглаждается. Проверяет — правда ли я заинтересована или просто болтаю.

— У меня немаленький стаж волонёрской деятельности.) Хотя вы тоже с 2015 трудитесь и до сих пор полны энтузиазма.

— Я считаю, что раз начал, то надо уж до конца идти.)

— Каким вы видите конец?

— Ещё далеко до него.)

Коротко. Как будто не хочет показывать, что сам об этом думает.

— Возможно, его и не будет! Передадите дело вашим де-

тям, потом внукам.)

— Я предпочитаю не загадывать настолько.) С самим бы собой разобраться для начала.

Ах, вот оно — живое. Без маски. Значит, и он иногда теряется, как все мы.

— Это вы верно мыслите.) И психологи говорят, что сначала надо полюбить себя, потом мир покажется под другим углом.

— Любить себя тоже надо в меру. Нельзя жить для самого себя. Чем больше ты отдаёшь — тем лучше.

Философ. Может, даже слишком. Но как он это пишет — будто верит каждому слову.

— Если себя слишком любить, то можно в нарцисса превратиться. Окружающие меня ругают, что я чрезмерно добрая, всем помогаю и редко отказываю. Выходит, быть всегда добрушей тоже не особо хорошо?

— Естественно. Ладно, спасибо вам за диалог, доброй ночи.) Если вдруг будут интересные идеи — обязательно пишите! И по организации, если это вам действительно интересно, чуть позже обязательно сориентирую!)

Так. Он закрывает тему. Чувствуется пунктуальность. Наверное, ложится спать по расписанию. Но вежливо, без отстранённости.

— Как будет у вас время, расскажите мне про социальную реабилитацию подростков.) И не думайте, что я подкапываю, мне правда интересно! Я не против посетить меро-

приятие вашей организации, чтобы ближе познакомиться с её деятельностью. И не обязательно «вамкать», это делает диалог чересчур серьёзным, и мои гениальные идеи улетают, потому что я боюсь что-то написать не так!)

Фух. Расслабить обстановку. Пусть знает — я не робею и, вообще, могу быть весёлой.

— Хорошо, без проблем! Можно и на «ты».)

О! Разморозился. «На ты» — маленькая победа.

— Пиши, как будет время.) От меня иногда бывает толк.)) И тебе доброй ночи.

— Тоже пиши, я думаю, что точно что-то да выйдет.)

Вот теперь я улыбаюсь. С ним может и правда что-то выйди — неважно что. Просто интересно.

— Я остерегаюсь тебе писать — ещё девушка увидит и волосы мне повывирает!))

— Это же просто о сотрудничестве и проектах, а личная жизнь — всё же немного другое.

— Личная жизнь — тоже своеобразное сотрудничество и определённого рода проект.

— Предпочитаю разделять эти вещи.)

Изольда смотрит на экран. Его последняя фраза — будто точка. Но не холодная. Просто твёрдая. Она улыбается, закрывает чат.

На часах — уже почти полночь.

21:21... с этого всё началось.

И почему-то ей кажется, что эта переписка ещё не закон-

чилась.

ГЛАВА 4. Пять пролетов до судьбы

Март

Изольда стояла перед зеркалом, наверное, в двадцатый раз меняла наряд.

Время шло, но она всё никак не могла решиться. Каждое платье казалось «слишком» — слишком яркое, слишком простое, слишком короткое, слишком не то.

Её отражение будто издевалось: ты хочешь, чтобы он тебя запомнил?

— *Нет...* — шепнула она себе. — *Хочу, чтобы он почувствовал.*

Когда наконец остановилась на черном платье, почти строгом, но мягко облегающем талию, внутри стало чуть спокойнее. Оно не бросалось в глаза, но заставляло смотреть дважды.

Розовые тимбы — как тихий бунт. Потёртые, но свои. В них она чувствовала землю под ногами. Потому что сегодня реальность казалась нереальной.

Она вдохнула, провела рукой по волосам и посмотрела в зеркало ещё раз. *Если сегодня действительно тот день — пусть он узнает меня.*

Дом правительства возвышался как декорация чужого мира. Холодный мрамор, золото, зеркальные стекла — всё

здесь будто смотрело на неё свысока.

Но она не чувствовала себя маленькой. Внутри жил странный азарт: то ли страх, то ли предчувствие. Он где-то здесь.

Она не поехала на лифте. Пять этажей — шаг за шагом, чтобы успеть собраться, чтобы дыхание стало ровнее, чтобы сердце не вырвалось раньше времени.

На четвёртом пролёте оно уже колотилось в висках.

И вдруг — он.

Стоял в метре, разговаривая с кем-то, и на секунду всё вокруг перестало существовать, так как будто всё это время просто ждал, пока она поднимется.

Оскар.

Изольда замерла.

На мгновение показалось, что свет в коридоре стал мягче.

Он был именно таким, каким она представляла его когда-то — когда писала в дневнике имя мужчины, которого ещё не знала.

Только теперь был живым, из плоти и крови — и от этой реальности веяло таинственностью.

Выглядел так, будто сошел с обложки дорогого издания: черный костюм, выверенный до миллиметра. Ткань — матовая, дорогая, без единой складки. Белая рубашка — ослепительно чистая, воротник чуть приподнят. Зелёный галстук в тонкую клетку — неформальный штрих, как подпись художника на строгом полотне.

Светло-каштановые волосы аккуратно уложены набок, но

несколько прядей всё равно упрямо выбиваются, придавая лёгкую небрежность. Он не выглядит безупречным — он выглядит живым.

На лице — аккуратная борода, не модная, не показная, просто уместная. Она придавала чертам строгость, делала линию челюсти ещё резче.

Его голубые глаза были, как поверхность озера, в которое хочется смотреть, пока не утонешь.

И взгляд — спокойный, уверенный, немного ленивый, но внимательный — упал прямо на неё. Но когда он смотрел на Изольду — в этом холодном металле на мгновение загоралась теплота. Не улыбка — скорее, искра интереса.

Очки в чёрной прямоугольной оправе придавали ему вид человека, который привык анализировать. Словно он видел всё, что другие старались скрыть.

Изольда почувствовала, как волна тепла поднимается к лицу.

Господи, он даже не сказал ни слова, а я уже не дышу.

Он кивнул ей.

Просто — кивнул.

В его взгляде не было удивления — будто он ожидал, что она появится. Кивнул коротко, уверенно, и этого было достаточно, чтобы в груди у неё что-то дрогнуло.

Она подошла к коллегам, стараясь не смотреть в его сторону, но каждый его жест, каждое движение плеча, каждый звук его голоса — всё отзывалось в ней. Она попыталась шаг-

нуть дальше, будто всё под контролем. Но внутри было ощущение, будто воздух стал гуще, а ноги — ватными. Каждый шаг приближал её не просто к человеку — к мысли, которая столько лет жила в сердце.

Заседание началось.

Слова звучали, микрофоны щёлкали, кто-то читал цифры, кто-то спорил.

Изольда сидела, делала вид, что слушает. Но всё внимание было там — на другом конце зала, где он сидел, склонившись над бумагами.

Его движения были неспешны, точны. Когда он поднимал руку, чтобы поправить очки, ткань рукава чуть натягивалась, открывая запястье — сильное, уверенное. На пальцах — ничего лишнего, только часы. Всё остальное — тишина, уверенность, контроль.

Он не просто мужчина. Он энергия. Пространство подстраивается под него.

В какой-то момент телефон Изольды коротко пискнул — сообщение. От Арсения.

Она удивилась: они ведь не были знакомы. Лишь обменялись парой фраз в коридоре и несколькими взглядами за время заседания. И всё же — он написал.

— Поговори с наблюдательным советом по поводу своей кандидатуры. Аргументируй тем, что не хватает числа заявленных депутатов.

Изольда усмехнулась и, не раздумывая, набрала ответ:

— Боишься, что я подкараулю тебя за углом?

— А как тебя не бояться?)

— Я очень опасный резервный депутат.

— Мне кажется, со временем тебе и без караула за углом достанется это место.

— Тебе нравится мирное решение проблем?

— Я за любое решение этой проблемы.

— Почему ты так обеспокоен моей судьбой?

— Нравится ваша персона :)

Она перечитала переписку, чуть нахмурилась, потом невольно улыбнулась.

Неожиданно, забавно... но странно. *Почему он вообще ей пишет? Откуда знает её имя, да ещё в разгар заседания?*

В памяти всплыло начало собрания. Арсений тогда сидел среди молодых депутатов — расслабленный, смеялся, что-то активно обсуждал. Приятный, уверенный, с живыми глазами. Но никак не тот, кто должен был проявить к ней интерес.

Позже стало ясно: Арсений был другом Оскара. Они пришли в коллегияю вместе. Арсений родом из Москвы, но какое-то время задержался в Иркутске.

Ещё до того, как Изольда впервые написала Оскару, мужчины уже следили за кандидатами, баллотирующимися в коллегияю. Шутя, они называли это «просмотром состава» — обсуждали девушек, спорили, кто производит впечатление, кто способен быть сильным звеном.

Изольда сразу выделялась. Уверенность, обаяние, внут-

рення энергия — всё это бросалось в глаза.

Оскар и Арсений не просто отметили её между делом — они даже договорились поддерживать её на выборах, просить знакомых голосовать за неё. Так, ещё до того, как она сделала первый шаг, где-то за кулисами уже существовал их негласный союз.

Теперь, глядя на экран телефона, Изольда понимала — сообщение Арсения не было случайностью.

Она оказалась «в числе избранных», в поле их интереса.

И всё же один вопрос не давал покоя: *знал ли Арсений, что она уже переписывалась с Оскаром?*

Когда с Оскаром только началась переписка, всё казалось туманным — будто они нащупывали границы общения. Но теперь, после этого внезапного сообщения от Арсения, Изольду не покидало ощущение, что их знакомство вовсе не случайное.

Может, Оскар уже говорил о ней своему другу? Может, они решили «познакомиться» с ней оба — каждый по-своему? Ответа не было. Но сама эта мысль заставила сердце Изольды тревожно дрогнуть.

В перерыве Изольда вышла в коридор. Воздух был прохладным, и она пыталась прийти в себя. Оскар стоял у окна, в компании трёх человек, и снова — тот же эффект. Люди вокруг будто гасли рядом с ним. Он слушал, кивал, улыбался — и всё это делал без усилий, с какой-то внутренней грацией.

Когда Изольда подошла ближе, он повернулся к ней.

— Ты теперь первая в резерве, — сказал он с лёгкой насмешкой. — Уже выбираешь чьё место занять?

Тон игривый, но взгляд — внимательный, почти оценивающий.

Он шутил, но в каждом слове будто звучало: я знаю, кто ты.

Она улыбнулась. Ответила спокойно, хотя голос предательски дрогнул:

— Нет. Просто пришла туда, где должна быть.

Он посмотрел чуть дольше, чем принято. И в этом взгляде Изольда почувствовала не просто интерес — признание.

Позже, в кафе, когда шум и разговоры смешались с ароматом кофе, Изольда снова ловила себя на том, что ищет его взгляд. Арсений сидел рядом, говорил без умолку, но для неё всё меркло. Оскар не пытался быть центром внимания, но всё внимание было на нём. Он будто знает, что его нельзя не заметить.

По дороге домой она ехала с Петей и Павлом. Они обсуждали день, подшучивали над Арсением.

— Этот парень, кажется, решил сделать на тебя ставку, — смеялся Паша.

— А вот Оскар, — добавил Петр, — тот, кто тянет всех за собой. Ты же видела, как он входит — будто вокруг сразу становится тише.

Изольда улыбнулась, но промолчала.

Да. Видела.

Когда вечером она вернулась домой, тишина встретила её, как подруга.

Она сняла тимбы, опустилась на кровать, закрыла глаза.

Но вместо сна — снова его лицо.

И вдруг экран вспыхнул.

«Ну как досидели?»)»

Простая фраза.

Но она почувствовала, как по коже пробежала дрожь.

Вот он. Мужчина, о котором я мечтала.

Мужчина, которого я когда-то придумала.

И теперь он — настоящий.

Изольда улыбнулась в темноте.

Мир вдруг стал другим.

Потому что её мечта наконец посмотрела на неё в ответ.

Она смотрела на экран, как на окно в другой мир.

Он думает обо мне. Или просто следит, как за фигурой на шахматной доске?

Изольда улыбнулась.

Какая, впрочем, разница — главное, что игра началась.

ГЛАВА 5. Магия старых девочек

За окном город уже давно стих, только редкие машины шуршали по мокрому асфальту. Казалось, весь мир спит — кроме них двоих.

Она и Оскар.

Они переписывались уже больше двух часов, и время словно потеряло вес. По сравнению с первым разом, когда разговор был немного напряженным, теперь они разговаривали легко, как старые друзья. Шутки летели одна за другой, каждое сообщение, каждая короткая фраза вызывали улыбку — ту самую, произвольную, когда уголки губ сами собой тянутся вверх.

— Ты не против, если я приглашу тебя к себе в школу? — предложила Изольда взгляд ее стал мягче, прикидывая, как бы это все могло выглядеть в реальной жизни.

— О, это отличная идея! С удовольствием! Прочитаю лекцию твоим школьникам. Я как раз всегда хотел попробовать себя в роли преподавателя, — ответил Оскар. Казалось, он даже слегка оживился от такой перспективы.

— Проведу тебе интереснейшую экскурсию по своему городу и займу твоё место в коллегии! — написала Изольда с улыбкой, подкидывая Оскару свою очередную шутку.

— Ахах, как пойдёт, — ответил Оскар, явно наслаждаясь таким непринужденным общением.

— Блин, зачем я так открыто это говорю, — сразу же добавила она, с легким волнением. — Так ты не приедешь.

Оскар, не растерявшись, продолжил:

— Я тоже прямолинейный, — с усмешкой написал он. — Напрямую всегда проще и легче.

Изольда не могла не согласиться:

— Поэтому без тебя неинтересно будет в коллегии. Так и быть — живи!

— Ну спасибо тебе! — посмеиваясь, ответил Оскар.

— Пощадила, — написала Изольда, скрывая улыбку, но понимая, что это было действительно забавно.

Этот диалог был для них как еще одна проверка их общения, и оба почувствовали, как они уже на одной волне. Чувство комфорта между ними росло, и, несмотря на шутки, было видно, что разговор был откровенным и искренним. В этой простоте пряталось что-то тёплое, почти домашнее.

Изольда поняла, что ей нравится этот прямолинейный стиль общения Оскара. Она сама часто действовала так, не оборачиваясь на множественные сомнения и сложности, а он оказался похож на нее. Он говорил то, что думал, и это чувствовалось.

— Хочу пойти в зал, но в Ирке.

— Странно! Почему не в городе нефтехимиков?))

— Это было бы слишком)) Я не настолько люблю кататься)

— Так бы со мной ходил — после первой трени забыл бы, что такое сигарета))

— Это какая-то магия обитателей кварталов?))

— Ахаха, магия странных девочек.

— Ну не таких уж и странных)

Изольда усмехнулась. В его словах было что-то обезору-

живающе простое — будто он видел её насквозь, но не осуждал.

— Телефон вместо «странных» сначала написал «старых»))

— Примерно одно и то же)))

— Ахахах, тебе не понять людей в возрасте!

— Я с ветеранами работал) Поверь, я знаю, о чём говорю))

— Ой, я не про такую старость))

— Чем старше — тем лучше))

— Из меня ещё песок не сыпется!

— (Эмодзи смех до слёз)

— Лучше для чего?))

— Для выступлений перед Советом ветеранов)))

Изольда расхохоталась, чуть не уронив телефон. Вот умеет же он — вроде бы ничего особенного не сказал, а настроение поднялось моментально.

— Ты когда перед ними выступаешь, то морщины себе подрисовываешь, чтобы авторитетом пользоваться?))

— Они любят молодых, зря ты так)

— Да знаю я! Меня обожают бабули и дедули))

— Ветераны — это, кстати, большая тема. Я к 9 Мая ходил с организацией и поздравлял их.

— Мне очень трудно даётся общение с ветеранами, я сентиментальная! Особенно когда они начинают про молодость рассказывать и плакать...

Она остановилась. Пальцы зависли над экраном. Поче-

му-то захотелось быть честной — с ним это получалось легко.

Он не осуждал, не перебивал. Просто читал, чувствовал, принимал.

— На тренике дедок меня комплиментами обсыпает и говорит: «Эх, был бы помоложе — приударил бы за тобой!» А ему лет 75!

— Не нравится тебе такой расклад?))

— Было бы ему хотя бы 74,5 — тогда другое дело))

— Ну да, это другое дело — полгодика разница))

Она фыркнула. Его чувство юмора было заразительным — острое, но без яда.

— Зато он не курит, в отличие от некоторых.

— Конечно! Он умрёт, если закурит))

Изольда прыснула от смеха. Этот человек умел ловко ставить точку — метко, с лёгкой иронией.

— Ахахаха, злые шуточки у вас, Оскар Даниэлович, — написала Изольда, смеясь от души. — Прямо разочаровываете вы меня))

Оскар не остался в долгу:

— Это просто голая статистика. Ничего личного))

— С виду такой приличный мальчик.

— Я вообще парень без претензий. Максимально простой), — Оскар явно вошел в роль.

— Как порошок)) Порошок обычный — результат отличный! — Изольда уже в открытую наслаждалась их пикиров-

кой.

— Это из разряда «я стираю вещи с «Лаской»?) — подловил ее Оскар, вспомнив старую рекламу.

— Ахаха, да-да, это шуточки «кому за 50», — ответила Изольда, снова запуская шутки о возрасте.

— Вот видишь — я не так уж молод в душе.

Эта переписка снова заставила Изольду улыбнуться, в ней чувствовалась легкость общения, которая давала понимание, что они действительно друг другу интересны. Такие разговоры поднимали настроение и заставляли ощущать, что между ними есть что-то большее, чем просто случайные переписки.

— Я на секунду задумалась, сколько лет моей душе) Арсений вовсю пытается выискать, сколько мне лет))

— И сколько, на твой взгляд?))

— В зависимости от ситуации)) Чаще моей душе 7 лет. Но я иногда бываю очень серьёзной женщиной.

Изольда улыбнулась. «Серьёзная женщина» — да, но сейчас ей было семь. Семь и не больше. И это чувство, будто рядом человек, который видит именно эту лёгкую, детскую часть её, — было почти волшебным.

— Может, завтра заеду, если ты серьёзно про школу?

— Конечно, серьёзно! Только завтра некому лекцию читать будет — сейчас каникулы.

— Так это заранее подготовить надо, чтобы понимать, что к чему)

— Тебе не лень будет давить на педальки газа и тормоза?))

— Я люблю ездить, так что нет)

— Приезжай! Я буду рада тебя видеть вновь), — написала она, стараясь не выдать своего волнения. — Только если реально соберёшься, то предупреди, а то я по утрам пробую себя в роли журналиста.

Оскар быстро ответил:

— А в какое время тебе удобнее?)

Изольда задумалась, потому что на утро у неё было несколько дел, но она не хотела откладывать встречу.

— Точно не в шесть утра), — написала она, смеясь.

— Ахаха, ну конечно.

— В семь можешь приехать)) Утра, конечно же — вместе с птицами встанешь!

— Ты, кстати, не шути так — могу и в семь))

Изольда, улыбаясь, предложила:

— Приезжай во сколько тебе удобно! Я найду время) В семь я как раз буду кашу готовить, так что заодно и тебе до-станется))

— Ну ладненько))

— Давай спать, — написала Изольда с улыбкой, — меня вырубают — а то напишу тупость))

— Оки, доброй ночи))

— И тебе) Спать ложись, а то проснёшься с мешками под глазами))

— Ахахаха, не — ещё дела есть)

Телефон погас, но улыбка осталась.

Изольда лежала в темноте, глядя в потолок, и чувствовала, как в груди что-то странно щемит. Не тревога, нет. Скорее — предвкушение.

«А *вдруг он действительно придет?*» — мелькнула мысль.

Она поймала себя на том, что ждёт. И впервые за долгое время — не просто нового дня, а именно встречи.

Ночь окутала комнату мягким бархатом, а её мысли уже где-то бродили между строчек их переписки. Там, где слова — это не просто буквы, а мостики к кому-то по ту сторону экрана.

ГЛАВА 6. Дедушка в стиле Dolce

Изольда осознанно держала дистанцию с собственными надеждами. С Оскаром всё было слишком непредсказуемо, поэтому она не исключала, что он может передумать или просто «раствориться» в делах. Чтобы не изводить себя ожиданием, она не стала менять планы и осталась на практике — работа была лучшим лекарством от ненужных иллюзий.

Когда на экране появилось сообщение: «Буду через час», — сердце Изольды предательски пропустило удар. В комнате сразу стало как-то тесно.

Она откинулась на спинку кресла, потом тут же вскочила. Её пальцы метались по клавиатуре, но буквы сливались. Она

пыталась убедить себя: *«Ну что ты, всё нормально, обычная встреча»*. Но мысли не слушались.

— *Только не вздумай краснеть*, — пробормотала она себе под нос, шагая по комнате. — *И не тараторь*.

Сообщение пришло короткое, как команда: «Я уже вни-зу».

Изольда приподняла бровь, подошла к окну.

Внизу стоял чёрный Mercedes-AMG — как персонаж шпионского фильма, мрачный и гордый. *«Ну конечно, эф-фектное появление — это в его стиле»*, — усмехнулась она. Но усмешка быстро растаяла: сердце, вопреки логике, всё же дрогнуло.

Оскар сидел в машине, говорил по телефону. Голос у него был спокойный, чуть хриловатый. Он что-то обсуждал — поход в театр, кажется, с девушкой.

Изольда подавила внутренний смешок. *Ну, конечно. Вечно этот театр*. Изольда почувствовала лёгкую, но ощутимую волну ревности, но вида она не подала.

Когда Оскар закончил разговор, Изольда почувствовала облегчение, хотя и не могла до конца избавиться от этого неприятного чувства. Слов было не нужно — всё шло естественно. Она сняла свою куртку и положила её в багажник. Машина тронулась, и весь город стал казаться немного дру-гим. Вместе с Оскаром всё вокруг стало живым и новым.

— Поехали куда глаза глядят! — сказала она с улыбкой, а Оскар только кивнул и ответил ей лёгким смехом.

— Отличный маршрут.

Они катались по улицам города, как два туриста, хотя это был её родной город. Всё стало выглядеть по-другому.

Одним из первых пунктов на их пути был парк, где стояла статуя, которая, как считалось, исполняла желания. Суть была в том, что нужно было соединить свою ладонь с ладонью статуи, а затем загадать желание. Изольда помнила, как в детстве верила в силу этой традиции. И вот теперь, с Оскаром рядом, она почувствовала какую-то магию момента.

Оскар подошел к статуе, положил свою ладонь на ладонь каменной фигуры. В его лице было что-то странно искреннее, будто он действительно верил. Изольда стояла рядом, прикусывая губу. Он замер на секунду, а потом с лёгкой улыбкой поднял голову. Изольда, наблюдая за ним, подошла к статуе. Но ладонь не приложила, хихикая пробежала мимо, сказав:

— Это не гигиенично! Представь сколько раз за день трогают эти ладошки.

Но внутри, в самой тихой части её мыслей, шепнулось:
«Пусть он загадал, чтобы я всегда была рядом».

Она промолчала, но внутри разлилось странное тепло — то самое редкое чувство, когда ритм другого человека совпадает с твоим собственным.

Они шли по аллее, перебрасываясь колкостями и смеясь так легко, будто знали друг друга целую вечность.

Изольда, всё ещё с улыбкой после памятника, вдруг ска-

зала:

— Ты знаешь, Оскар, иногда ты ведёшь себя, как настоящий дедушка. Такой серьёзный, будто жизнь — это бухгалтерский отчёт.

Оскар приподнял бровь, притворно обижаясь:

— Дедушка? Серьёзно? Это твоё профессиональное определение характера?

— Абсолютно научное, — засмеялась она. — Вот идёшь, смотришь вперёд, как будто у тебя в голове расписание поездов. Всё по минутам.

Он рассмеялся, качнув головой:

— Теперь представляю, как мои будущие дети скажут: «Пап, ну ты и дедушка!»

Изольда хихикнула:

— А ты подумай, какие у них будут отчества! Это же готовая комедия — *Оскаровна, Оскарович...*

Оскар рассмеялся — громко и искренне. Редкое зрелище для человека его выдержки: когда живая эмоция внезапно берет верх над многолетней привычкой всё держать в узде.

— Да уж, — сказал он, всё ещё улыбаясь, — мои дети, похоже, родятся сразу бабушкой и дедушкой. Семейная традиция — быть серьёзными с пелёнок.

— Только не рядом со мной, — ответила Изольда, смеясь. — Я это поколение дедушек планирую немного разбавить.

Они переглянулись — и в этом моменте промелькнуло что-то милое, почти семейное. Смех затих, оставив после се-

бя то самое тепло, которое рождается, когда простой интерес перерастает в нечто подлинное.

Возле памятника Петру и Февронии Изольда вдруг наклонилась и, по старой привычке, потеряла нос бронзового зайца.

— *Хочу стать женой этого мужчины,* — сказала она вполголоса и сама не поняла — это была шутка или желание.

Слова сорвались сами собой, прежде чем она успела их обдумать.

Он стоял чуть в стороне, не слыша её, глядя куда-то вдаль, и от этого Изольде стало почему-то спокойно. Она лишь улыбнулась, будто ничего не произошло, но внутри всё дрогнуло — как от тайны, о которой знаешь только ты.

Когда они доехали до спортивной школы, Оскар вдруг сказал:

— Смотри, поспорим, я сейчас зайду и разговорю вахтёра.

— Да ты с ума сошёл! — засмеялась Изольда. — Они же всех сторонних гонят!

— Не веришь? — с прищуром спросил он.

— Верю... но не в это!

Между ними проскочила искра — чистый, детский азарт. Оскар направился к дверям с видом человека, который заранее знает финал любой игры. Изольда наблюдала за ним через стекло, не в силах сдержать улыбку.

Всего пара минут — и он уже о чем-то весело спорил с вахтером. Строгость, к которой она успела привыкнуть, испарилась без следа. Сейчас перед ней был другой Оскар:

смешной, открытый и какой-то удивительно настоящий.

Когда он вернулся, глаза его сияли.

— Ну что, сомневалась?

— Признаю, — сказала она, чуть смутившись, — ты совсем другой, чем я думала.

Он улыбнулся.

— А ты всё ещё думаешь, что меня можно разгадать?

Она хотела ответить «да», но вдруг поняла, что, возможно, не хочет. Пусть останется загадка.

И так они продолжили свой путь, с каждым километром всё больше понимая, что эта поездка оказалась для них обоим чем-то гораздо более важным, чем просто прогулка.

Изольда предложила съездить на строящуюся набережную, но только на месте поняла, насколько это была безумная идея. Их встретили скелеты будущих конструкций и густой слой пыли. Она невольно следила за тем, как благородная матовая кожа его туфель проигрывает схватку с грязью. Однако Оскар оставался невозмутим: ни тени брезгливости, ни попытки спасти обувь. Его поразительное спокойствие выглядело чертовски притягательно.

— Ну вот, теперь ты как я после репортажа с дороги, — сказала она с улыбкой.

— Главное, с кем идёшь, — ответил он просто.

И почему-то от этих слов ей стало тепло так, будто кто-то тихо обнял изнутри.

Позже, уже у Музея Победы, она заметила татуировку на

его запястье.

— Покажешь? — спросила почти шёпотом.

Оскар на мгновение замер, но не произнес ни слова. Изольда осторожно потянула бегунок молнии его спортивной кофты Dolce & Gabbana, которая — на редкость — располагалась на спине. Он растерянно усмехнулся, сдаваясь под ее пальцами. Когда ткань скользнула с плеч, перед ней открылась карта из четких линий и зашифрованных символов. Изольда с жадным интересом изучала плотно забитый «рукав». Кончики ее пальцев едва касались рисунков, а в голове пульсировала одна мысль: за безупречным фасадом скрывается натура куда более сложная и дерзкая, чем она могла представить.

После того как Оскар отвёз Изольду на практику, они немного поговорили о будущем. Как-то незаметно разговор перешёл на их планы, которые касались работы в молодежной коллегии.

— Так, ну что, по проектам коллегии мы можем что-то продумать? — с интересом спросил Оскар, когда они уже подъезжали к зданию.

— Идей несколько, но их нужно «причесать». Ты ведь обещал лекцию для моих ребят — может, привяжем это к общему проекту? — ответила Изольда. Она улыбнулась, чувствуя, как мысли, еще хранившие послевкусие их встречи, наконец возвращаются в рабочее русло.

Оскар немного задумался и, как всегда сдержанно, сказал:

— Думаю, можно найти хорошее пересечение этих проектов. Мы все-таки должны быть полезными для молодежи. И лекция тоже будет отличной частью работы.

— Тогда нужно только придумать, как лучше всё оформить, — с энтузиазмом откликнулась Изольда. — Но это, наверное, всё в процессе обсуждения.

— Договорились, всё устроим. Но обсудить это лучше лично, — Оскар чуть приподнял уголки губ. В его голосе звучала та спокойная уверенность, с которой обычно подписывают выгодные контракты.

Разговор о делах окончательно заземлил их встречу. Изольда положила руку на ручку двери.

— Тогда до скорого, — сказала она.

— До встречи, — ответил он с той интонацией, после которой не остается сомнений: они увидятся снова. Она вышла из машины, чувствуя, что проекты — лишь легальный повод быть рядом.

Ей отчаянно не хотелось, чтобы этот четверг заканчивался. Странно — обычный день в родном городе, но благодаря Оскару он стал особенным. Она будто заново открыла привычные улицы, промзоны и стройки, которые раньше были просто декорациями, а сегодня превратились в их общее пространство.

Она вышла из машины и долго смотрела вслед уезжающим огням. Оскар уже скрылся за поворотом, но его голос, его смех, даже лёгкий запах парфюма будто остались рядом.

Изольда стояла и думала:

«Иногда жизнь подбрасывает тебе день, который не должен был ничего изменить. А он меняет всё».

ГЛАВА 7. Шведская семья

Изольда не писала.

И Оскар — тоже.

В их переписке повисла тишина — такая, в которой можно услышать, как внутри скребётся что-то похожее на ожидание. Она не понимала, что именно удерживало её от первого шага: гордость, страх быть навязчивой или просто усталость от попыток.

Между ними не было ничего, кроме пары встреч, одна из них стала особенной. Оказалось, ее достаточно, чтобы что-то внутри перевернулось.

Её ладони тогда дрожали, хотя она пыталась не показывать.

Он говорил спокойно, немного рассеянно, а в его взгляде было то самое — лёгкое, почти невесомое внимание, которое притягивает сильнее признаний. С тех пор она ловила себя на том, что вспоминает не слова, а паузы между ними. Не разговор, а его дыхание — чуть сбивчивое, будто он тоже волновался. Она медлила с сообщением, боясь, что одно неосторожное слово разрушит то хрупкое «что-то», едва успевшее между ними промелькнуть. Или просто не верила,

что ему это вообще было важно. Но вместо него в её жизнь внезапно вошёл Арсений.

Он десантировался из столицы напрямик к Байкалу в молодежную коллегия, чем вызвал немало вопросов. Что за был этот парень-праздник в царстве протоколов? Сеня был воплощением открытости: обезоруживающая улыбка, бесконечный поток слов и умение обходить острые углы с невероятной легкостью. Рядом с ним даже самые душны заседания на мгновение переставали казаться безнадежными.

Переписка текла как река — плавно, без усилий. Они обсуждали любимые книги, смеялись над странными фотографиями, спорили, кто прав — Мураками или Толстой. Арсений кидал ей фото своих кулинарных экспериментов, и в каждом снимке было что-то трогательное: тарелка макарон, подписанная «Паста дня от шефа, уставшего, но вдохновлённого».

Арсений умел подбирать ключи к её настроению даже в те моменты, когда день рассыпался на части от усталости и досадных мелочей.

— Изольда, у нас могла бы быть шведская семья с Оскаром и его девушкой, — прилетело от него в мессенджере.

— Что? — не удержалась она от смеха.

— Ну, я главный по тарелочкам, его девушка убирается, ты воспитываешь наших спиногрызиков, а Оскар... ну, пусть будет шофёром.

— А я почему не главная по тарелочкам?

— Нет-нет, у меня монополия, — ответил он. — Но если чешется заняться рукоделием, можешь связать нам всем одинаковые шарфики.

Изольда улыбнулась.

С ним всё было прозрачно: никакой драмы, никаких вторых смыслов. И всё же на периферии этой легкости всегда маячила тень Оскара.

Однажды вечером, устав от внутреннего тумана, Изольда нашла страницу его девушки. Она рассматривала фото слишком долго — до ряби в глазах, хотя и знала, что занимается мазохизмом. Цеплялась за детали, выискивая изъяны. Пухлые щёки — Изольда выдавила из себя ехидный смешок, немного наивный взгляд, идеально уложенные волосы.

«Вот такую выбирают, да?» — подумала она с сухой усмешкой.

И в груди что-то кольнуло — ревность, обида, раздражение?

Скорее, всё вместе.

Она сама удивилась силе этой эмоции. Эта девушка не сделала ей ничего плохого. Но хотелось, чтобы её просто не было, — как будто тогда стало бы легче дышать.

ГЛАВА 8. Цифровое изгнание

С момента знакомства прошло всего ничего, но они уже спелись так, будто вместе прогуливали уроки еще в школе.

Изольда и Арсений строчили друг другу сутками. Это был бесконечный поток мемов, идиотских голосовых и обсуждений всего на свете. Изольда с азартом следила за мигающим «печатает...», гадая, какую дичь он выдаст на этот раз.

На третий день он написал:

«Мы с Оскаром приедем к тебе. Пойдём вместе на тренировку, посмотрим, как ты там всех побеждаешь».

Она усмехнулась. Слишком неожиданно. Но и отказать не захотела — с Арсением всегда было весело, а Оскар... ну, пусть приедет, почему нет.

С тренировкой, правда, не сложилось. Изольда вышла из зала уставшая, с мокрыми волосами и тяжёлой сумкой. Ребята уже ждали у подъезда — Арсений, как обычно, с широкой улыбкой, Оскар — с тем самым спокойным взглядом, от которого у неё где-то под рёбрами что-то щёлкнуло.

— Ну, спортсменка, готова к культурной программе? — подмигнул Арсений.

— После тренировки я готова только к еде, — засмеялась она.

Так и решили — пойти вместе ужинать.

Кафе было набито людьми, и Арсений со своим неиссякаемым драйвом идеально вписывался в этот хаос. Он рассказывал что-то веселое, активно помогая себе руками. Оскар на его фоне казался тихой гаванью. Он больше слушал, лишь изредка вставлял короткие, но меткие комментарии. Но Изольда замечала странную вещь: сколько бы ни говорил

Арсений, внутри у неё эхом отдавались только редкие фразы Оскара.

После ужина заехали на заправку. Арсений отправился к кассе, как обычно бодро, будто шел спасать мир от нехватки бензина.

Изольда и Оскар остались в машине.

— Интересно, он помнит, на какой колонке мы стоим? — лениво спросила она.

— Он? — фыркнул Оскар. — Он сейчас ещё продавщицу убедит, что бензин должен быть по акции «купи кофе — получи бак топлива».

— То есть ждать будем долго?

— Зависит от того, насколько стойкой окажется девушка. Но я бы на неё не ставил.

Изольда засмеялась — тихо, но так, что у него будто загорелись глаза.

— Ну что, пока он там спасает кассира от скуки, давай проверим, — сказал Оскар.

— Что проверим?

— Кто из нас лучше ориентируется в жизни.

— В жизни? — усмехнулась Изольда. — А ты уверен, что хочешь проиграть?

— О, уверенности тебе не занимать. Ну ладно. Например: если бы мы сейчас заблудились, что бы ты сделала?

— Достала бы телефон и посмотрела карту.

— А если связи нет?

— Нашла бы высокое место, куда можно залезть.

— А если гор нет?

— Тогда я бы залезла тебе на плечи.

— Так, записываю: твой план спасения — использовать меня как вышку.

— Конечно, зачем терять полезные ресурсы?

— Невероятно. Ты не теряешься даже в теории катастроф.

— А ты бы что сделал, если бы заблудился?

— Я бы дождался, пока ты меня спасёшь.

Они оба рассмеялись. И на секунду показалось, что смех этот — не просто от шуток. Он был про то, как хорошо вместе, когда можно спорить о глупостях и при этом чувствовать — между строк что-то происходит.

В этот момент вернулся Арсений — с кофе и шоколадкой.

— Ну что, скучали?

— Немного, — сказала Изольда, пряча улыбку.

— Я-то думал, вы уже весь бензин выпили, — пошутил он.

Но Оскар и Изольда переглянулись — и оба почему-то почувствовали, что после этой короткой остановки всё стало чуть иначе.

Дальше разговор перешёл на цветы.

— Ну что, кому вы, романтики, обычно букеты дарите? — спросила Изольда.

— Я? — отозвался Арсений. — Всегда с цветами. На свидания без них — не хожу. Это святое.

— А ты, Оскар?

— По стандарту, — пожал тот плечами. — Маме, бабушке, сестре.

— И какие цветы?

— Ромашки.

— Скромно, — усмехнулась она.

— Зато честно, — ответил он, и в этом «честно» прозвучало что-то, что она почувствовала всем телом.

Они гуляли по ночному городу. Ночь выдалась необычайно теплой, а атмосфера в их маленькой компании — наэлектризованной. Изольда чувствовала внимание обоих, но не спешила разбираться, кто из парней на самом деле стал инициатором этой поездки. Было что-то чертовски приятное в этой двусмысленности.

Они заметили погнутый столб у дороги.

— Вот, смотри, даже металл не выдержал напряжения, — засмеялся Арсений.

— Если электричество между нами будет и дальше таким, город останется без освещения, — добавил Оскар, и Изольда рассмеялась. Но в глубине души знала — он попал в точку.

Парни уехали, оставив после себя тишину, которая продлилась недолго. Через полчаса телефон завибрировал: сообщение от Оскара. Потом еще одно, и еще. Они перебрасывались ничего не значащими фразами, но в этой переписке было столько «своего», понятного только им двоим, что воздух в комнате будто потеплел. Это была опасная грань:

когда с человеком оказывается так просто, что он незаметно становится незаменимым.

Следующие несколько дней они жили подготовкой к лекции. Чат не закрывался: споры о слайдах сменялись шутками, сообщения летели одно за другим. А потом всё оборвалось. Оскар исчез так внезапно, что Изольда на мгновение усомнилась: «а был ли этот драйв на самом деле?» Не ответил, не открыл диалог, удалил ее из друзей. Осталась только мертвая тишина там, где еще утром пульсировал их общий ритм.

Изольда не знала, что думать. Наверное, занят. Или передумал. Глупо было признаваться даже себе, что это задело — и задело сильно.

Через пару недель она всё же написала Арсению. Невзначай, будто между делом:

— Что там с нашим водителем, не пропал ли где?

Ответ пришёл быстро.

— Да всё просто. Девушка его ревнует. Ко всем. Но тебя, кажется, с особой ненавистью невзлюбила. Попросила удалить.

Она перечитала сообщение несколько раз.

— Да ну, бред, — только и выдохнула.

— Ага. Ну так что, когда ты мне шарф свяжешь? Оскар тут рядом сидит, тоже просит шарф.

— Пусть сам вяжет.

— Ахах, ну тогда я жду эксклюзив.

Изольда улыбнулась.

Но где-то глубоко внутри понимала: никакой шарф не согреет то место, где теперь пусто.

ГЛАВА 9. Блеск и нищета мужской фантазии

Как-то раз, совершенно без повода, Изольда разговори-лась с Арсением о том, какой должна быть идеальная девуш-ка.

Обычный вечер вроде бы. Ничего особенного. Просто болтовня за чашкой кофе. Но, как это часто бывает, именно такие разговоры вдруг становятся поворотными.

Арсений говорил легко, почти рассеянно, будто речь шла не о чувствах, а о погоде. Он вообще умел превращать се-рьёзные темы в игру — и, что раздражало сильнее всего, ему это удавалось.

— Она должна быть универсальной, — сказал он, потяги-ваясь, словно кот на солнце.

— Универсальной? — переспросила Изольда, приподняв бровь. Она уже знала: сейчас последует что-то интересное. Или возмутительное. А может, и то, и другое.

Арсений усмехнулся и, будто бы между делом, процити-ровал одного своего друга — все мы понимаем какого:

— Чтобы цитировала Гёте — и так же шутила про бом-жей.

Вот и пошло. Мудрость от современных мужчин — иде-

альный рецепт счастья.

Изольда закатила глаза — демонстративно, с изяществом. Но внутри — будто щёлкнули выключателем.

Не каждый встречный знает, кто такой Гёте. Но она-то знала! И могла процитировать, если надо, даже во сне.

И шутила, между прочим, не хуже любого стендап-комика.

Она может быть разной — гибкой, невесомой, в своей тарелке где угодно.

И всё же...

— А для каких вещей подхожу я? — спросила она как можно небрежнее, будто просто продолжала беседу. Но внутри уже поднималась буря — тихая, плотная, электрическая.

Арсений пожал плечами. Без тени сомнения.

— С тобой было бы забавно делать всякую дичь. И, ну... заниматься сексом в экстремальных местах, — сказал он как будто между прочим, будто обсуждал меню.

— Но я не вижу тебя а-ля в ресторане или на балу. Ты очень лёгкая и при этом хитрая.

Пауза. Тишина. А внутри — взрыв.

Не видит меня... в ресторане? Не видит на балу?

Серьёзно?

В голове Изольды вспыхнули образы — она в струящемся вечернем платье, с безупречно уложенными волосами и бокалом вина, в котором дрожат блики. Идеальная осанка

и едва слышный аромат тяжелого люкса. Огромные люстры рассыпали искры по залу, а за её спиной оставались приглушённый смех и восхищённые взгляды тех, кто невольно оборачивался ей вслед.

И где-то там — он, ошеломлённый, не в силах отвести взгляд. Смотрит и не верит, что это та самая «лёгкая и хитрая» девушка.

Она вскинула подбородок, скрывая дрожь в голосе.

— Да ну тебя, Арсений, — отмахнулась с притворной ленцой.

Он улыбнулся, даже не подозревая, что только что поджёг целый пожар. Иногда мужчины сами роют себе яму. Лопата — их язык.

Позже, когда вечер растворился в улицах, Изольда шла домой и думала:

«Я — та самая идеальная девушка. И универсальная, и умная, и забавная. Я могу говорить о Ницше и через минуту хохотать над мемами. Я умею держать осанку и быть леди. Почему он этого не видит?»

С каждым шагом она чувствовала, как в ней загорается что-то упрямое и яркое.

Решимость.

Если он не видит — покажет.

Если не верит — докажет.

На следующее заседание молодёжной коллегии Изольда выберет образ из безупречных линий. Она явится как коро-

лева. Как женщина из высшего света, знающая себе цену, чья осанка и взгляд стоят дороже любых слов.

Пусть попробует сказать, что она «не для балов».

ГЛАВА 10. Краткий курс левитации для начинающих хищниц

Изольда стояла перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение, словно в лицо незнакомки. Оттуда на неё смотрела девушка, идеальная до последнего жеста. От той «легкой и хитрой девчонки», которой ее видел Арсений, не осталось и следа. Сегодня она была воплощением власти. Женственной, неоспоримой и чертовски опасной.

Она провела ладонью по бедру — движение неосознанное, почти ритуальное.

— Ну что, Арсений, — усмехнулась она своему отражению, — держись.

Любая великая женщина знает: иногда зеркало — это твой первый зритель, а иногда — судья.

Для миссии «показать ему» Изольда вооружилась самым мощным оружием — шпильками. Алые, двенадцатисантиметровые, порочные, как грех, против которого невозможно устоять. Она выпросила их у одной из своих учениц, девочки с модельными амбициями и стальными нервами.

— Ты уверена, что сможешь в них ходить? — спросила Ярослава, раскладывая косметику, как хирург инструменты.

— Смогу, — ответила Изольда. — Я же не хожу — я левитирую.

Главное в шпильках — не баланс, а вера. Если ты веришь, что можешь, — сможешь. Ну, или хотя бы красиво упадёшь. Ах да. Главный секрет женской силы — сделать вид, что ты не чувствуешь боли. Даже когда каблук сантиметр в сантиметр повторяет форму орудия пыток.

Яра колдовала над её лицом с маниакальным вдохновением, будто готовила Изольду к выходу на подиум. Пудра, стрелки, блеск — каждое движение точное, уверенное. Красная помада — ровно та, что могла остановить движение на перекрёстке. Когда всё было готово, даже Кира, подруга-скептик, выдохнула:

— Боже... ты как реклама роскоши. Только без ценника.

Она, как обычно, вызвалась подвезти — и всю дорогу посмеивалась:

— Если сегодня кто-то не влюбится, я официально разочаруюсь в мужчинах.

Машина остановилась у здания правительства, Изольда вдохнула — медленно, глубоко, как перед сценой. Всё. Назад пути нет.

Солнце мягко скользнуло по её волосам — ровным, блестящим, безукоризненным. Чёрное платье сидело безупречно, вычерчивая идеальный силуэт. Ни единого изъяна — глядя на неё, можно было подумать, что само совершенство обрело форму и решило продефилировать по улицам.

Первый шаг. Второй.

Каблуки звенели о тротуар, как секундная стрелка — отсчитывая мгновения её триумфа. Прохожие оборачивались. Мужчины — с тем самым взглядом, где «случайно» слишком долго. Женщины — оценивающе, немного ревниво, но с невольным восхищением.

Кто-то даже прошептал:

— Вот это походка...

Если бы взглядом можно было свистнуть, улица бы сейчас оглохла. Изольда шла уверенно, в каждом её шаге было что-то хищное. Каждый изгиб тела, каждый наклон головы, каждая тень улыбки — тщательно выстроенная стратегия. Она наслаждалась вниманием, ловила взгляды, как бриллианты. И знала: она сейчас — магнит, буря, аплодисменты в человеческом обличье.

Красная помада сияла, словно подпись под её манифестом: «Я — идеал. И ты это знаешь». Но под этой броней безупречности пульсировало что-то совсем земное — ожидание.

Она хотела увидеть Оскара. Услышать, как он скажет что-то, что разрушит её самообладание. Хотела уловить в его взгляде хотя бы тень восхищения — чтобы понять: да, он заметил. Ветер чуть трепал край платья, будто боялся слишком сильно прикоснуться. Её губы двигались в лёгкой улыбке — той, где смешались вызов и обещание. Не вульгарность, а власть.

Богини не спешат. Они позволяют миру подождать.

Когда она подошла к ступеням, каблук предательски дрогнул. Мир мгновенно замедлился. Секунда, ещё секунда... и чудом — устойчивость!

— *Так,* — прошептала она, делая вид, что это всё часть танца, — *главное не упасть.*

Именно так выглядит женская грация: баланс между величием и катастрофой.

Ноги горели, мышцы ныли, но в глазах сияло торжество. Каждый шаг — победа.

«*Смотри, Арсений,* — подумала она. — *Я создана для ба-лов*».

Пусть алые шпильки превратились в изощренную пытку, Изольда не сбавила темп ни на секунду. *Эверест? Легкотня. Попробуй покорить городскую брусчатку на двенадцати сантиметрах — вот где измеряется настоящая высота духа.*

ГЛАВА 11. Два запроса в пустоту

Изольда шла по коридору, как будто снималась в рекламе дорогих духов. Каждый её шаг — отточенный, уверенный, будто сама судьба поставила хореографию. Охрана, привычно кивающая ей, сегодня выглядела растерянно. Словно впервые увидела девушку. Хотя, по сути, они действительно видели не девушку — явление.

— Изольда, вы выглядите потрясающе, — сказал один из охранников, едва скрывая улыбку, когда она проходила мимо.

— Спасибо, — ответила с лёгким наклоном головы, словно не замечая, как их взгляды преследуют её. — Это правда приятно слышать.

Она шла дальше, чувствуя взгляды на спине. И наслаждалась ими.

Сегодня она ощущала себя по-особенному. Не потому, что платье сидело идеально или потому что волосы блестящие, а потому, что внутри было то редкое ощущение: «я на своём месте».

Но всё же волнение давало о себе знать.

Ей предстояло увидеть Оскара.

Эта мысль была как тихая искра, жгущая под кожей.

Изольда, сжав губы, внутренне признала очевидное: самой до пятого этажа ей будет крайне проблематично добраться. Не в этих туфлях. Каждый шаг был испытанием на прочность и гордость.

И тут — как по заказу — появился Вадим. Он стоял у лифта и что-то сосредоточенно набирал в телефоне. Она плавно подошла к нему и, сохраняя достоинство, произнесла:

— Вадим, будь добр, проводишь меня до зала заседаний?

В голосе — легкая просьба, в улыбке — благодарность, а

в глазах — честное признание: «Да, сегодня я хрупкая. Но это красиво».

— Конечно, Изольда, — ответил он с чуть слишком бодрым энтузиазмом. — Для тебя хоть на шестой. Но сначала вниз, — сказал он с лукавой улыбкой.

— Вниз? — переспросила она. — Звучит интригующе.

Изольда не сразу поняла, зачем им нужно было спускаться. На улице стояла жара, и гардероб был просто лишним. Но Вадим, казалось, был настойчив, и, хоть её любопытство было активировано, она не стала возражать.

— Хорошо, — ответила она с легким вздохом, — спускаемся.

В столовой её ждал первый экзамен на выдержку. Оскар и Арсений сидели за одним из столов. «Как назло», — промелькнуло в голове, но внешне Изольда даже не вздрогнула. Шоу должно продолжаться.

Первым заметил её Арсений.

— О! Ну здравствуй, мисс совершенство. Не даёшь покоя даже кондиционеру — смотри, как он старается ради тебя, — усмехнулся он.

Изольда улыбнулась, чуть склонив голову.

— Спасибо, Арсений. Сегодня повышаю давление у всех мужчин в радиусе пяти метров.

Но всё остальное перестало существовать, когда она встретила взглядом с Оскаром.

Чёрт. Почему именно сейчас? Почему именно он?

Он сидел спокойно, будто всё происходящее его не касалось, но его взгляд...

Никакой пошлости. Никакого флирта. Он изучал её молча и пристально. Внутри всё сжималось в комок от этого немого давления, но этот дискомфорт странным образом пьянил. Близость этого человека вызывала в ней волну ответного, лихорадочного тепла, которое она не могла подавить.

«Он что, сканирует меня? Или оценивает по десятибалльной шкале?» — пронеслось в голове.

Она не знала, сколько длилась эта пауза — секунду, две или вечность, — пока вдруг рядом не раздался голос Вадима:

— Оскар! Помоги, пожалуйста, с галстуком, а то я уже третий узел завязал, и все — катастрофа.

Оскар поднялся, лениво поправив манжеты, и шагнул ближе.

— Ты решила, что пятница — это повод устроить дефиле? — тихо сказал он.

— Конечно, — ответила она, едва заметно улыбнувшись. — Если уж идти на пятый этаж, то только с размахом.

Оскар, как бы специально подчеркивая свою спокойную уверенность, быстро и легко завязал галстук Вадиму, не обращая внимания на напряжённую атмосферу, которая повисла в воздухе. Изольда наблюдала за ними, чувствуя, как её сердце учащённо колотится. *Ты ведь не на этом сосредоточена, да? Не на том, как его руки движутся по галстуку... Он просто завязывает... просто делает что-то обыч-*

ное. Придержи себя!

Их взгляды встретились снова.

Вот она — эта тонкая грань между вызовом и притяжением.

Он не улыбался, но угол его губ чуть дрогнул — этого было достаточно, чтобы сердце Изольды сделало акробатический трюк.

— И всё же... ты сегодня другая, — сказал он.

— Возможно, — кивнула она. — Просто каблуки выше обычного. Давление тоже.

Ирония — лучший щит, особенно когда душа уже начинает сдавать позиции. Арсений между тем снова попытался вставить шутку, но она уже не слышала. Всё внимание — на Оскара. На то, как он стоит. Как двигается. Как не двигается.

«Боже, почему он просто стоит, как будто это законно — быть таким спокойным?» — мелькнула мысль.

Когда Вадим предложил кофе, Изольда даже не сразу сообразила, что речь идёт с ней.

— Кофе? — переспросила она, слегка усмехнувшись. — Боюсь, я сегодня уже слишком заряжена. Без кофе обойдусь.

Она резко развернулась, и на секунду всё внутри затихло. Но этот взгляд, этот чертов взгляд Оскара не исчез. Он буквально застыл в пространстве, касаясь её лопаток. Даже когда она уходила, Изольда кожей чувствовала, как он ведет её до самой двери, не давая вздохнуть свободно.

Уже в лифте Вадим начал что-то методично перечислять:

какие-то списки, важные встречи, рабочие дела. Но его голос доносился будто из-под толщи воды. Изольда слышала только своё дыхание.

Она снова и снова видела Оскара — как он поправляет галстук, как пальцы движутся уверенно, спокойно.

Никакой суеты, никакой нужды что-то доказывать.

Обычный галстук. Самый обычный. Просто почему-то в этой комнате стало на три градуса жарче.

Но сердце не соглашалось.

Когда двери лифта закрылись, она глубоко вдохнула.

— *Всё, соберись. Ты — Изольда. Ты — та, кто идёт, даже если шпильки выше, чем твоё терпение.*

Когда лифт наконец остановился, Изольда сделала шаг в коридор, стараясь держать спину ровно и не выдать, что руки чуть дрожат от напряжения. Она глубоко вдохнула и выдохнула, словно таким образом напоминая себе: *всё под контролем, ты знаешь, как себя вести в таких ситуациях.*

На самом деле, думала она, без помощи и сильного плеча Вадима было бы почти невозможно забраться на пятый этаж. Её гордость протестовала, но разум напоминал: *даже самой громкой премьере нужен крепкий фундамент за кулисами.*

Внутри зала пахло формальностью: идеально выверенные костюмы, строгие улыбки, воздух, натянутый как струна. Но Изольда знала: это её территория. Весь этот выверенный антураж был просто сценой, на которой она могла быть собой — красивой, уверенной, живой.

Она шла по залу с грацией, будто каждый шаг был отдельной нотой в симфонии её присутствия. Взгляды следили за ней. Женщины шептались, пытаясь не смотреть слишком очевидно, мужчины забывали, зачем пришли.

Заседание началось. Изольда села, расправив плечи, поставив спину прямой — напоминание себе: *ты безупречна, даже если внутри буря. Взгляд вперёд, и правила просты: не смотреть в сторону Оскара.*

Но он был повсюду. В её мыслях, в невидимых нитях, которые тянулись сквозь стол, сквозь голос председателя, сквозь каждое слово коллег. Даже если он не смотрел — она чувствовала, что он наблюдает.

Он точно смотрит. Ты это знаешь. Или хочешь, чтобы это было правдой? — размышляла она, отгоняя мысли, как назойливых мух.

Время тянулось медленно. Каждый раз, когда кто-то говорил что-то про бюрократию, бюджеты или отчёты, Изольда ловила себя на том, что мысленно возвращается к разговору с Оскаром. *Мы же почти ничего не сказали.*

Когда заседание закончилось, она встала, потянулась, чувствуя, как напряжение уходит из тела, но буря внутри не утихла. Его взгляд, казалось, продолжал преследовать её даже из другого конца зала.

Почему я не могу перестать думать о нём? — спрашивала она себя. — *Он ведь не со мной, но всё равно здесь, в моих мыслях...*

На улице уже темнело. Друзья предложили прогуляться, и она кивнула, стараясь выглядеть расслабленной. Но Оскар не пошёл с ними. Конечно. Он не такой, как все. *Сейчас он где-то один, думает, что это ерунда...*

Внутренний голос смеялся над ней: *Очнись. Это было просто секундное впечатление, вспышка, которая уже погасла. Ты попала в его поле зрения, как красивая картинка в ленте новостей — взгляд зацепился на мгновение и пошел дальше. Ничего личного.*

Но чувство не отпускало. Каждый взгляд, каждая деталь — и мир снова начинал вращаться вокруг него. Проходя мимо кафе, она ловила себя на том, что взгляд возвращается к его профилю, к мысленному образу: как он стоит, как движется, как спокойно завязывает галстук Вадиму в столовой.

И тут родилась идея. Простая, почти детская: *добавлю его в друзья. Маленький шаг, чтобы вернуть контроль.* Мгновенно она открыла соцсети и отправила запрос. Сердце колотилось. *Если он примет, значит, я для него не совсем чужая. А если отклонит, то... значит, мне просто нужно забыть об этом.*

Запрос отправлен. Сердце колотилось.

Минуту спустя — уведомление.

Оскар отклонил.

Изольда замерла. В груди пустота, холодная и странно резкая.

Спустись на землю и не будь душой. Ты его зацепила, это

правда, но ровно так, как цепляет красивая вещь в витрине. Без продолжения. Остынь.

Но тут же нашлась самоирония: *Мир не рухнул. Это просто Оскар. Логично. Не драматизируй.*

Минуты шли, но выкинуть его из головы не получалось. И тогда она сделала то, что казалось ещё более безумным: снова отправила запрос. Сердце предательски сжалось. Секунды ожидания начали растягиваться, заполняя собой всё пространство вокруг.

И снова — отклонение. *Почему ты это делаешь?* — внутренний голос продолжал её терзать.

Мир вокруг потускнел. Ноги теряли опору.

Да, это нелепо. Да, это странно. Но мне важно. Потому что я хочу быть частью того, что он видит. И хочу, чтобы он это заметил.

Когда она вернулась домой, усталость давила на каждую мышцу, но мысли о нём не отпускали.

Почему каждый взгляд Оскара заставляет моё сердце биться быстрее?

Она легла на кровать и почти сразу же почувствовала, как тело отключается. Голова коснулась подушки. Внутри остались вопросы, но одно было ясно: *пока я дышу, я буду сильной, даже если сердце иногда шалит.*

ГЛАВА 12. Осенний сбой в системе игнора

Временами Изольда обращалась к своему дневнику. Устраивалась на кровати с чашкой ромашкового чая и открывала дневник. Иногда полезно разложить мысли на бумаге — так они перестают крутиться внутри головы и превращаются в что-то более управляемое. А ещё это позволяет смеяться над собой, что жизненно необходимо.

(из личного дневника Изольды)

8 октября.

Недавно я наткнулась на одно странное гадание. Там нужно было сложить все одинаковые буквы в своём ФИО, соединить их с такими же буквами в ФИО своего суженого, ещё что-то посчитать — и в итоге получается, идеальная ли вы пара.

Я, конечно, всё сделала по инструкции. И как вы думаете, что показало гадание? Ну да, мы идеальная пара! В голове тут же, вопреки всякому вкусу, зациклился припев, идеально рифмующийся с этим абсурдом:

«Мы идеальная пара, самые классные Форсы.

— Ты любишь меня?

— Конечно! Какие вопросы?»

Смешно, правда? Сидишь осенью в тепле, листаешь эти сомнительные тесты, словно школьница, а внутри что-то щёлкает и говорит: да ладно, Изольда, неужели ты снова наивна? Но почему-то именно этот результат зацепил. Может, потому что с мая я почти

не общалась с Оскаром. Уже октябрь.

Хотела ли я его увидеть? Честно? Не особо. Чем реже видишь объект воздыхания, тем меньше страдаешь. Летом было проще: форумы, поездки, новые люди, куча событий — мне было весело, и я почти не вспоминала о нём. А потом пришла осень. Школа, обычный ритм жизни, и вдруг...

Один из парней коллегии позвал меня на очередную сессию. Я сначала отмахнулась: на учительскую зарплату модный лук для заседания не собрать, да и особого желания ехать нет. Но потом, за день до заседания, в десять вечера, случилось то, чего я вообще не ожидала.

Ося добавляется ко мне в друзья. Просто добавляется. Без единого слова.

Я смотрю на экран и понимаю, что ничего не понимаю в этой жизни.

Так... стоп. Это что вообще было? Знак? Или просто так? Может, он хочет возобновить общение? Или его девушка разрешила?

Миллион мыслей в голове.

Успокойся, Изольда. Никаких резких движений. Не надо писать первой. Он ничего не сказал, просто добавил. Всё.

А с другой стороны, если не написать, он подумает, что мне всё равно.

Остановись. А если я поеду на заседание, это будет выглядеть, будто я бегу за ним? Типа: добавил в друзья — и я сразу: «Ой, приветик, вот я тут, давай встречаться!»

Чувствую себя идиоткой. Одно добавление в друзья вызывает столько размышлений.

А что, если это действительно знак? Может, он ждёт, чтобы я появилась? Может, это шанс?

Я сижу на кровати, уставившись в телефон, и понимаю, что так могу крутить мысли до утра.

Так вышло, что в этот же день в школе отмечали День учителя. Нарядилась в обтягивающее зелёное платье и замшевые ботильоны на зеркальном каблукке. Дети подарили мне брошь в виде жирафа — милую, золотистую, с маленькими камушками. Я тут же приколола её к платью, представляя, как эта миленькая деталь добавляет мне особого шарма.

И, как вы уже догадываетесь, в итоге я всё-таки поехала на заседание.

«Только не думай, что из-за тебя», — мысленно сказала Иза, глядя на экран, где так и не появилось ни одного его сообщения.

В этот раз Изольда сменила доспехи на мягкость. Она выглядела особенно очаровательно. Мягкие локоны свободными волнами обрамляли лицо, создавая почти невесомый, ро-

мантический ореол. Полное отсутствие макияжа не сделало её бледной — напротив, кожа словно светилась изнутри, а естественная нежность черт притягивала взгляд сильнее любого яркого акцента.

Во время заседания она оказалась очень близко к Оскару, буквально через проход. Он постоянно оборачивался, поддерживал взгляд на ней на долгие секунды. Когда Изольда заметила это, она улыбнулась и в шутку сказала ему, что он смотрит на нее неприлично долго. После сессии Оскар тут же подошел к ней, хотя сама Изольда так и не поняла зачем. Он заметил на ее одежде брошь, внимательно рассматривал её, а она хмыкнула:

— Ты смотри на жирафа, а не на мою грудь, — сказала она, чуть наклонив голову и прищулив глаза, добавляя в голос лёгкий трепет, смешанный с юмором.

В гардеробе он снова подошёл, и на этот раз его взгляд был чуть мягче, но с тем же лёгким вызовом:

— Ты как кошка, которая гуляет сама по себе.

Изольда не успела ничего ответить, как он сократил дистанцию ещё на шаг, и тихий, почти приказной вопрос, не терпящий долгих раздумий: — Мы в кафе. Ты с нами?

Следующие десять минут пролетели как в тумане: шум кафе, смех Арсения, звон посуды. Когда всё закончилось и настало время расходиться, Оскар обменялся парой слов с остальными, но её подчеркнуто проигнорировал — ни взгляда, ни дежурного «пока». Он ушел, оставив после себя лишь

холодное недоумение. А спустя полчаса экран её телефона вспыхнул от сообщения.

Переписка развивалась стремительно. Тон Оскара был явно игривым, без стеснения он показывал свою симпатию, дразнил и провоцировал.

— И что думаешь? — написал он первым.

— Думаю, что хочу в поход, — ответила Изольда.

Её пальцы чуть дрожали, когда она писала эти слова, но в груди что-то пело. Она понимала, что это уже не просто переписка — это игра, маленький танец двух сердец.

— Думаешь? Хорошо подумай.

Проверяет её решимость.

— Я очень хочу в поход!

— И только...?

— Оскарчик, возьми меня, пожалуйста.

— Ещё...

— Я выдержу любой маршрут и не буду ныть. Хотела написать, что понесу тебя на руках, но это уже перебор.

Немного флирта, немного вызова.

— Такая хрупкая нежная девушка... и меня на руках?

— Видишь, как я хочу в поход.

Он читает меня, как открытую книгу. Удивительно и приятно.

— А как же деловые отношения?

— Это деловой поход, вообще-то! А ты что подумал?

Игроки меняют правила прямо на ходу.

— Даже не знаю... Ты же девушка вольная.

— Хочешь меня приручить?

— Да это же легко. Так неинтересно.

Легко? Хм... Так просто никто меня не поймает.

— Конечно, лучше просто пойти в поход.

— Это ещё проще. И тоже неинтересно.

— Твоя самоуверенность меня раззадоривает. Что тебе интересно?

— Да даже не знаю... Скучно.

— Отвергаешь — предлагай! Я тебя зову по набережной гулять, в поход зову, а тебе скучно... Заметь, у меня пока приличные предложения.

Хм... Прелесть в том, что он держит меня в напряжении.

— А какие неприличные?

— Они куда интереснее.

— Например? Не верю пустым словам.

Не хочу, чтобы это была игра слов. Хочу настоящего.

— Вот сейчас это выглядит так, будто я за тобой бегаю, а ты мне как бы не особо интересен.

— Так ты за мной и бегаешь.

Ах, вот оно... Он ловко меня провоцирует.

— Больше не буду. Пока, Оскар.

— Ну, я как бы не против был. Как хочешь.

— Почему был?

— Ну ты же написала «пока».

— Я передумала. Я тебе уступлю.

— Тогда нужны конкретные действия, а не пустые слова.

— Теперь ты бегай за мной. Действуй. Я разрешаю. Сегодня разрешаю, завтра могу передумать.

— Удачи.

— Если мы друг другу симпатичны, обязательно кому-то из нас за другим бегать? Это же неинтересно.

— Вполне интересно. Люблю наблюдать.

— Оо, вот я и поняла, что тебе интересно. Если ты меня с собой в поход не берёшь, то я пойду с Борей.

— Ахаха.

— И не смейся!

Ирония и легкое соперничество добавляют перца.

— Если без обиняков и по правде, там реально тяжело, куда мы пойдём. Я предлагаю тогда просто увидеться, раз на то пошло. На днях.

— Ууу, кто-то начал бегать.

— Я же переживаю... Так что предлагаю сделать так.

Небольшой поворот — от слов к реальности.

С каждым новым сообщением напряжение росло. Она чувствовала, как смешиваются возбуждение, любопытство и лёгкий страх — вот это чувство «а что если?»

— Ты за меня уже переживаешь?

— Всегда.

Изольда чуть улыбнулась, ощутив тепло, которое разлилось по всему телу. Её мысли вдруг стали прозрачными,

словно воздух, и в них вспыхнула новая искра — не просто любопытство, не просто симпатия. Ей захотелось быть смелой, захотелось шагнуть навстречу неизвестности.

— Так и быть, перестану быть бабой-конём и позволю тебе руководить нашим вальсом.

— Ахахах. Хорошо, Конь-Баба.

Эта переписка только раззадорила их обоих. Слова переплетались, как танец — кто ведет, кто ведомый? А может, оба просто хотели поиграть?

Она сидела в кресле, телефон в ладонях. Экран светился мягко, словно хранил тепло чьих-то слов. Изольда вглядывалась в эти строки, будто между ними можно было найти ответ.

Что-то внутри дрогнуло — не просто любопытство, а тихое волнение, будто жизнь шепнула: «Проснись».

«А если это не просто переписка?» — мелькнула мысль. Улыбка сама появилась на губах.

Она представила их встречу — не как случайность, а как продолжение чего-то начатого невзначай. *Может, стоит рискнуть? Сделать шаг навстречу, пока не погасла эта искра?* Тишина комнаты слушала вместе с ней. Пульс ускорялся, и пальцы предательски дрожали — не в испуге перед ним, а в трепетном ожидании той любви, которую она больше не могла отрицать.

За окном мерцали огни города, и каждый казался ей обещанием.

— *Пожалуй, стоит рискнуть*, — прошептала она.

И в этот миг Изольда точно знала: то, что зародилось в словах, уже станет чем-то живым. Искра превратится в огонь.

ГЛАВА 13. Искусство исчезать

Он не приехал.

А Изольда ждала.

Как всегда.

Каждый звук уведомления заставлял сердце биться чуть быстрее. Каждый миг, когда экран загорался, был как дыхание надежды — короткое, хрупкое. Она ловила эти вспышки света, будто в них скрывалось его присутствие. Пусть только в словах, пусть мимоходом — всё равно живое.

На следующий день сообщений тоже не было.

Тишина разрасталась, как холодная вода, заполняя комнату.

Изольда вздохнула, будто выдыхала всё ожидание разом. Потом решила — написала сама.

Ответ пришёл сразу: «Не волнуйся».

И всё.

Она долго смотрела на экран.

Две короткие слова, и в них — пропасть.

Не спросил, как она. Не объяснил. Просто исчез.

Наутро она снова не выдержала.

«Одной бабуле катастрофически нужна твоя помощь», — написала с улыбкой, стараясь звучать легко.

Они всегда шутили, что она старше его, а значит, уже бабушка. А он сразу родился с душой старика. Тогда это казалось забавным.

Теперь — будто чужая история.

— Какая бабуля? — спросил он.

Она попыталась вернуть ту игру, то тепло:

— Хрупкая, нежная, почти беззащитная.

— Я не по бабулям.

Слова ударили резко.

Будто кто-то резко выключил свет.

Лицо стало холодным, дыхание сбилось.

Хотела пошутить, улыбнуться — но слова не вышли.

Почему это так больно? Почему от него?

— Ты что, негодник? Хочешь расстроить бабулю? — наконец выдавила она, пряча дрожь.

— Уже. Начинаю повергать в глубокую печаль.

Изольда почувствовала, как в груди всё осело.

Когда-то между ними было тепло — живое, настоящее. А теперь от него остались обломки.

Он писал дальше, будто между делом:

— Просто мало кто меня увлекает. Я избирательный.

Слова резали тонко, без злости, но беспощадно.

Она ответила сдержанно, шуткой, как будто всё в порядке:

— Люблю задачи со звёздочкой.

Но внутри знала — это ложь. Он больше не играл с ней, он просто отстранился. И она чувствовала: эта «задача» уже не имеет решений.

«Почему он так легко разрушает то, что для меня — настоящее?» — думала она.

Она спросила прямо, почти шепотом:

— Это ты тонко намекаешь, что такая рыба, как ты, мне не по зубам?

— Ну да, я Рыбы. Символичненько, — ответил он.

Улыбка не получилась.

Слова ударили холодом.

Он не понял — или не захотел понять.

Всё, что она прятала за лёгкостью, разом сорвалось.

Сильная, уверенная Изольда вдруг почувствовала себя беззащитной.

Боль была тихой, вязкой. Не трагедией — пустотой.

Она хотела доказать, что всё ещё может играть. Хотела не сдаться. Но внутри всё обмякло.

Изольда положила телефон.

Сделала вдох. Потом ещё один.

И нажала на стоп.

Игра закончилась.

ГЛАВА 14. Один процент свободы

Несколько дней Изольда не находила себе места.

Когда сердце разбито не громко, а тихо — это хуже. Потому что боль никуда не уходит, просто растворяется в каждом дне.

Работа превратилась в пустой ритуал. Пальцы послушно выстукивали ритм по клавишам, а глаза привычно сканировали бесконечные строки, но разум Изольды был далеко. Мысли раз за разом возвращались в одну и ту же точку, прокручивая заезженную пластинку.

Он.

Самое страшное — не когда тебя предают, а когда ты не понимаешь, что именно пошло не так.

Тренировки не спасали. Она бегала до потери сознания, поднимала штангу, пока не начинали дрожать руки. Но вместо облегчения приходила пустота.

Изольда ловила себя на том, что ждёт. Не звонка — просто знака. Как будто вселенная обязана объяснить, зачем всё это случилось.

Почему именно он?

Почему именно его слова засели в голове, как заноза?

Она злилась. На себя — за слабость. На него — за равнодушие. На весь этот бесконечный круг мыслей, где не было выхода.

Утро начиналось со стакана воды с лимоном и раздражения. Вкус напитка стал кислее, улицы казались шумнее, даже свет экрана вызывал тревогу.

— *Что с тобой, Изольда?* — спрашивала она собствен-

ное отражение. — *Это же просто человек. Просто переписка. Просто обида. Просто уязвленное самолюбие.* Но сердце — честный орган. Оно категорически отказывалось понимать, как что-то «простое» может так сильно болеть.

Где-то глубоко внутри звучал другой голос — тёплый, упрямый, честный:

«А если не просто? А если ты действительно ждала чего-то?»

Эти мысли вертелись, как заевшая мелодия. И тогда она поняла: надо закончить это не молчанием, а словом.

Она взяла телефон. Экран загорелся, осветив её лицо мягким светом. Пальцы дрожали, как будто набирали не сообщение, а исповедь.

«Мне как-то грустно от нашей предыдущей переписки стало. Я не могла предполагать, что человек, близкий мне по духу, который готов, как и я, безвозмездно творить добро, окажется лицемером...»

Она писала не спеша, позволяя каждому слову пройти через сердце.

Добавила немного иронии, немного самоиронии — это всегда помогало ей выжить.

«...Я, к примеру, редкий человек, который может цитировать Гёте и шутить с бомжом Василием. Плюс к этому я суперкрасотка, и меня обожают дети, а ты меня обидел...»

Иногда смех — это просто способ не заплакать.

«...Ты первый зачем-то начал общение, хотя я давно про

тебя забыла. Даже несмотря на то, что у нас идеальный гороскоп совместимости».

Она перечитала. Несколько раз.

«Глупо?» — спросила себя.

«Может, не стоит?»

В такие моменты человек спорит не с логикой — с надеждой.

Но потом пришло другое чувство.

Тихое, тёплое.

Скажи — и отпусти.

Изольда нажала «отправить».

Секунда.

Две.

Сообщение прочитано.

И — ничего.

Ни трёх точек, ни смайла, ни холодного «ок».

Только тишина.

Она почувствовала, как что-то сжимается внутри... а потом — чуть отпускает.

Не свобода, но шаг к ней.

Иногда нужно просто сказать последнее слово, не ради ответа — ради себя.

Изольда положила телефон на стол, выпрямила спину и глубоко вдохнула.

— *Ну вот и всё,* — сказала она тихо. — *Теперь действительно всё.*

И стало легче. На один процент.

Но легче.

С этого начинается исцеление — не с громкого прощания, а с лёгкого выдоха.

ГЛАВА 15. Труссы верности с бантом

(из личного дневника Изольды)

12 октября.

Я вроде бы не хочу думать об Оскаруше. Честно. Не хочу.

Да, именно так обычно и начинается марафон «не думаю, но думаю каждую секунду».

Вчера была на дне рождения у сына подруги. Пока ехала, маршрут, разумеется, пролегал ровно через все места, где когда-то катались с Оскаром.

Конечно. Потому что вселенная любит сценарии с издевательским юмором.

— Нет! Я не буду вспоминать его из-за какого-то поворота дороги! — торжественно пообещала я себе.

В этот момент где-то наверху кто-то щёлкнул пальцами и сказал: «О, вызов принят».

Минутой позже реальность подкинула новую карту страданий.

Мы с Кирой зачем-то покружили по городу — и, конечно же, я снова вижу знакомые перекрёстки, свето-

форы, даже киоск, где он когда-то покупал мороженое.

И вот я уже страдаю, глядя на асфальт.

— За что?! — мысленно вопрошаю я в окно.

За то, что память — это самый назойливый сторож любви.

Но самое страшное началось потом.

Я не знаю, кто там в небесной канцелярии открыл портал, но, кажется, у нас неделя под кодовым названием «ОскарFest».

Сначала на тренировку пришёл новый парень — угадайте, как его зовут?

Да, Оскар.

Потом добавился в друзья другой Оскар.

Затем звонил какой-то Оскар Хомяков (мы вообще когда-нибудь общались?!).

В магазине встретила Оскара Чернигова.

У девочек в историях — опять какие-то Оскары.

А тренер Оскар, который обычно молчит, как статуя, вдруг решил со мной поболтать!

— ЧТО ВООБЩЕ ПРОИСХОДИТ?!

Мир явно решил сыграть в «найди сто различий между твоим Оскаром и всеми остальными Оскарами».

Но, понимаете, мне не нужен просто Оскар.

Мне нужен тот самый.

Оскаруша.

Который не отвечает.

— Ты что, решил исчезнуть? — спрашиваю я в пустоту.

А мироздание в ответ:

«Держи вместо него ещё парочку одноименцев, не благодари!».

Я человек разумный, образованный и, естественно, решила подойти к вопросу научно.

Нашла сайт с расчётом совместимости по датам рождения.

Да, знаю, звучит несерьёзно. Но если астрологи не помогут — кто поможет?

Итак:

— Я — Рак.

— Он — Рыбы.

И что мы имеем?

Огонь! Ну, то есть вода. Короче, уже неплохо.

Но дальше — лучше.

Совместимость по чакрам — 78%!

Это почти идеал!

Не идеальные отношения, зато идеальные чакры. Уже достижение.

А ещё выяснилось, что у меня лучше всего получается с мужчинами младше на пять лет.

И кто у нас младше на пять лет?

Правильно.

Опять он.

— Ну всё, судьба! — подумала я.

И судьба, конечно, ответила:

«Сейчас, посмотри, как я умею ломать сюжет».

А теперь — немного о сексе.

На том же сайте была вкладка про сексуальную совместимость (естественно, я не могла пройти мимо — я же исследователь).

Там было сказано:

«Идеальная пара — когда сексуальная активность мужчины на 1 выше, чем у женщины».

Проверяем.

— Максимум — 7.

— У меня — 5.

— У него — 6.

ОФИГЕТЬ!

По всем параметрам мы идеальная пара с перспективой огня в постели!

Вселенная аплодирует стоя. Потом тихо свистит и исчезает в дыму, оставляя тебе холодный ромашковый чай.

Ирония в том, что Оскар всегда шутил, что я нимфоманка.

Хотя, внимание — у нас даже не было секса.

Скажу по секрету — с тех пор, как я его встретила,

мне больше ни с кем не хотелось.

Это уже не любовь, это постдипломная работа по самоограничению.

Как будто кто-то выдал мне невидимые трусы верности.

С бантом.

И замком.

— Ну ты, Изольда, молодец... — говорю себе, смеясь и чуть грустя одновременно.

Может, ну его?

Если человек не отвечает, если всё это уже в прошлом, — может, пора отпустить?

Говорят, мне идеально подойдёт Телец старше на 8 лет.

Или Дева младше на 8.

Но у Девы сексуальная активность — 0.

Ноль? Ноль.

Монахи такие, видимо.

— Нет уж, спасибо.

А вот Телец... Телец, ты где?!

Если читаешь это — у Изольды чакры открыты и 5 по сексуальной активности.

Она почти сертифицированный экземпляр!

А пока Телец где-то там пасётся, Изольда всё ещё учится смеяться сквозь грусть — и делает это чертовски обаятельно.

ГЛАВА 16. Почему Рыбы не клюют на Раков?

(из личного дневника Изольды)

20 октября

Есть женщины благоразумные, которые в сложные эмоциональные периоды записываются на йогу, читают Коэльо и пьют чай с мятой.

А есть я.

Узнав, что ребята из молодёжной коллегии идут в поход, я, конечно, должна была сказать:

«Нет, спасибо, у меня аллергия на палатки, костры и мужскую логику».

Но, как вы понимаете, я сказала: «Конечно, иду!»

А всё почему?

Потому что предводителем походного балагана был... та-дам! — Оскар.

Да-да, тот самый, из-за которого я две недели назад ела мороженое ложкой из кастрюли и говорила себе:

«Всё, Изольда, хватит».

Тот, который ушёл в молчание, но остался во всех ассоциативных рядах мозга — от слова «чай» до «землетрясение».

Нас было пятеро. По пути до вокзала я размышляла, «а зачем оно мне надо».

С точки зрения логики — просто вылазка на при-

роду.

С точки зрения вселенной — очередной эксперимент: «А давай посмотрим, как Изольда справится, если в радиусе пяти метров от неё снова окажется Оскар.»

По пути я убеждала себя:

— Это не про чувства. Это про свежий воздух и шикарные виды.

Но где-то в подкорке уже визжала другая я — романтическая идиотка с воображением уровня Netflix.

Конечно, стоило только увидеть Оскара — и всё, пошло-поехало.

Спойлер: после всего, что он вытворял в походе, мне хотелось не детей от него рожать, а организовать ему уютную могилку где-нибудь между ёлок. Причём неглубоко — так, чисто символически. Чтобы, если одумается, смог вылезти.

Итак, продолжаем.

Я должна была встретиться с Борисом, но он, как водится, опаздывал и сказал:

— Найди Яровина на вокзале, он тебя встретит.

Я оглядываюсь — два парня стоят, шутят.

Один из них — он.

Но... другой.

Как будто прошёл через завод «Мужчина 2.0»: борода исчезла, причёска приличная, вид... опасно сим-

патичный.

Я поздоровалась. Он улыбнулся — по-настоящему. Тепло. Не как с человеком, с которым надо «быть вежливым», а как с тем, кого действительно рад видеть.

И вот тут я поняла — всё, приехали.

Мозг кричит «беги», а сердце уже строит сценарий «мы потерялись в лесу и теперь спим в одной палатке».

Рядом стоял его друг Кирилл. Купили билеты, стоим, ждём электричку.

И тут Оскар, с самым невинным лицом, спрашивает Кира:

— Как думаешь, сколько лет Изольде?

А я уже мысленно готовлюсь к привычным «да ладно, не может быть!», но Кирилл просто пожал плечами.

И всё. Без шока, без сюсюканий.

Иногда молчание мужчины приятнее комплиментов.

Ехали напротив друг друга. Я делаю вид, что смотрю в окно, но на самом деле пялюсь в его отражение. Он переписывается с кем-то в телефоне, хмурится, вздыхает. Этот кто-то подписан как имя и черное сердце.

Один раз я нечаянно — честно, случайно! — выще-

пила взглядом пару слов: «дети», «свадьба».

Великолепно. Что я до сих пор тут делаю.

Похоже, у мироздания сегодня специфическое чувство юмора: оно решило устроить мастер-класс по мазохизму с доставкой в мой вагон.

Я отвернулась, сделала вид, что люблю пейзажем.

— Не обращай внимания. Ты приехала отдыхать, а не анализировать поведение человека, который тебе не пишет, — повторяла я себе как мантру.

P.S. Работает минут пять. Потом снова хочется анализировать.

Чтобы не сойти с ума, начали играть в игру, где нужно объяснять слова, используя только те, которые начинаются на букву «П». И я — человек, который иногда путает «право» и «лево», неожиданно вошла во вкус.

— «Компьютер» — парень печатает письмо пальцами по панели предмета!

Ребята хохотали. Оскар — тоже. И смотрел на меня чуть дольше, чем нужно.

Взгляд у него вообще отдельная форма пытки. Добрая, но смертельная.

Потом он вдруг спрашивает:

— А ты когда детей собираешься рожать?

Я чуть не поперхнулась.

Но вмешались ребята:

— Так всё в твоих руках, Оскарчик. Изольда-то может хоть через девять месяцев.

Смех, переглядки, фейерверк неловкости.

А внутри — глупая, дурацкая, ненужная мысль:

«А если бы... чисто гипотетически... он бы предложил?..»

Но не успела я раз мечтаться, как внутренний фильтр больно щелкнул по носу: «Притормози, подруга. Это просто поход, не финал проекта «Холостяк. Тайга Edition. Цветка в конце не будет.»

Позже, когда остались вдвоём, он вдруг выдал:

— Почему ты всегда так жёстко и пошло шутишь?

Вот кто бы говорил! Я чуть не рассмеялась ему в лицо.

Этот человек сам способен состарить невинную фразу до уровня «18+», а теперь — моралист.

Но он смотрел серьёзно. Почти обиженно.

— Ты так шутишь, потому что тебе внимания не хватает, — добавил он.

Ага, психолог нашёлся. Жду, когда скажет: «Расскажи про отца».

Я ответила, что на дефицит внимания не жалуюсь, а всё остальное — просто не привыкла подавлять в себе живое чувство юмора ради приличий.

Он хмыкнул. Но в глазах мелькнуло — что?

Что-то. Мягкое. Может, сожаление. Может, инте-

рес. Может, то самое «не всё равно».

Когда начали игру «Я никогда не...», я окончательно поняла: это не поход, это социальный эксперимент.

— Я никогда не занимался сексом на природе, — говорит Боря.

Половина компании загибает пальцы, включая... угадайте кого?

А потом Арсений выдал гениальное:

— Я никогда не терял кровь из письки.

Все повернулись ко мне.

Я закатила глаза и демонстративно загнула палец.

И тут Арсений, гад, поворачивается к Оскару:

— Осик, ну-ка, тоже загибай!

Компания взорвалась от смеха, а мы с Оскаром встретились глазами.

И в этом взгляде — всё.

И смех, и стыд, и странное «я всё ещё тебя чувствую».

Вот она, химия. Ни секс, ни слова. Просто секунда, в которой дыхание становится общим.

До игры парни, оказывается, всерьёз считали, что я — классическая охотница за кошельками: по пятницам — клуб, по субботам — новые туфли, по воскресеньям — ухажёр с машиной.

Ага, конечно.

С моей-то зарплатой учителя я максимум могу позволить себе роман с каталогом «Fix Price».

Но чем дальше мы играли, тем шире у ребят открывались глаза.

Они постепенно понимали: я — человек, который может блестяще объяснить слово «депрессия» через букву «П» («пессимизм под прикрытием позитивных постов»).

Градус шуток стремительно рос, пока дискуссия не свернула на скользкую дорожку: от кого из присутствующих я бы рискнула родить.

Ребята взорвались хохотом и тут же принялись с энтузиазмом делить «папские обязанности», пока кто-то не подвёл черту:

— Решено! Будет один ребёнок и четыре отца. Настоящая походная семья!

Все заржали, но тут Оскар, этот мастер внезапных ножей в спину, спокойно добавил:

— Не-не, только не от неё.

И вот тут меня, простите, подорвало.

Я-то, может, тоже не в восторге от его генетического кода!

— Да ты вообще жирный! — выпалила я.

Молчание.

А потом — мы оба переглянулись и... рассмеялись.

И почему-то стало легче.

Господи. Какой утончённый уровень коммуникации, правда?

Фрейд бы аплодировал стоя.

— Оскар, — шутит Арсений, — у тебя же куча квартир, пусть Изольда к тебе переедет.

— Пусть к тебе переезжает, у тебя просторней, — отвечает он, но слишком быстро, слишком резко.

Я улыбаюсь.

Не потому, что смешно — потому что знаю этот тон. Это «мне всё равно, но попробуй тронь — укушу».

А потом поймала себя на мысли: зачем он вообще реагирует?

Если ему всё равно — зачем спорить, зачем защищаться? И мне показалось, Оскар умеет быть... тёплым. Не сладким — нет, с ним всё равно надо держать броню, но смех с ним всё ещё чувствуется родным.

И да, этот поход точно удался.

Я узнала, что люди видят во мне гораздо больше, чем выдуманные ярлыки.

Что Оскар может раздражать и притягивать одновременно.

И что чувства — как старые спички: вроде погасли, а стоит чуть задеть — снова тлеют.

Но знаете, в чём мой главный вывод?

Неважно, совпадают ли у нас гороскопы, чакры или показатели сексуальной активности.

Неважно, насколько ты безупречна. Если человек в тебе не нуждается, он променяет твой божественный свет на чью-то обычную, серую тень.

Хотя... между нами, друзья, не будем делать вид, что история закончилась.

Потому что, если бы она и правда закончилась — я бы не писала это под звёздами, с кружкой чая и лёгким дрожанием внутри.

ГЛАВА 17. Латте без ожиданий

(из личного дневника Изольды)

27 декабря

Перед Новым годом меня осенило.

Нет, не божественным светом, а очередной «великолепной» идеей — устроить корпоратив для молодых депутатов.

Да-да, именно я — Изольда, вечная оптимистка, решила организовать праздник людям, которые обычно спорят даже о том, какого цвета должны быть салфетки в зале заседаний.

Зачем?

Ну, во-первых, хотелось почувствовать себя живой, а не просто частью бюрократического муравейника.

Во-вторых... (и вы уже догадались, да?) — был Оскар.

Не то чтобы я собиралась устраивать праздник ради него, но, если уж где-то между бокалами шампанского и оливье мы случайно пересечёмся — я, конечно, не расстроюсь.

Арсений, мой личный «мотиватор года», был краток:

— Фигня-затея. Никому это не упало.

Невероятная поддержка! Если бы я монетизировала его скепсис, мой банковский счет вызывал бы зависть у шейхов.

Но я упрямая.

Включила режим ледника — двигаюсь медленно, но неотвратно. Ценой бессонных ночей и бесконечных правок я довела дело до конца. Хаос упорядочен, мероприятие состоится.

А потом...

Внезапно поняла, что сама туда идти не хочу.

Даже не потому, что устала. Просто — не моё это. Хотелось чего-то настоящего, не наигранного, не протокольного.

Поэтому я уехала в Москву — туда, где пахнет хвоей, где друзья смеются до слёз, где никто не обсуждает законопроекты под ёлкой. Там было уютно, тепло и очень по-человечески.

Оскар всё-таки пришёл на тот корпоратив.

Просто потому, что, видимо, где-то внутри него сра-

ботал радар: «О, мероприятие, где могла бы быть Изольда? Срочно туда!» (шутка).

Я не знаю, расстроился ли он, не увидев меня. Может, даже порадовался.

А может, просто сделал вид, что не заметил пустого места, где я могла бы сидеть.

И, если быть честной...

Мне всё равно.

Ну, почти. На 87%. Остальные 13% всё ещё хотят знать, о чём он думал, когда наливал себе шампанское.

Потом начались «знаки».

О, эти знаки свыше — любимая забава вселенной, когда ей становится скучно смотреть на мой покой.

Ты можешь неделями не думать о человеке, а потом — бац! — открываешь Интернет, а там его дата рождения.

Через день — опять. А потом, как добивающий штрих, кто-то выкладывает сторис с его именем. «О, Изольда, смотри, я вернулся в твою реальность, соскучилась?» — будто шепчет мне космос.

Нет, космос, не соскучилась. Я взрослая женщина, я больше не ведушь на цифровые совпадения. Хотя, конечно, есть во всём этом странное очарование. Может, это не совпадения, а лёгкое напоминание, что не всё между нами стерлось. Что где-то, на уровне мик-

роскопических частиц, связь всё ещё тлеет.

Да, я тоже смотрела «Интерстеллар», спасибо.

Но вот в чём суть. Я не бегу за знаками. Не ищу смысл в каждом уведомлении. Если судьба решила оставить Оскара где-то на орбите моего инфополя — пусть крутится.

Главное, чтобы не падал метеоритом в личные сообщения.

Теперь я просто живу.

Пью латте на кокосовом без ожиданий, смеюсь без подтекста, планирую будущее без «а вдруг он...».

Потому что, если человек однажды не выбрал тебя — это тоже ответ.

И знаете, что самое смешное?

Мне действительно спокойно. Не театрально, не показательно, а по-настоящему.

Хотя... Если вдруг где-то опять всплывёт его имя — я, конечно, сделаю вид, что ничего не заметила.

Но улыбнусь. Чуть-чуть. Потому что некоторые истории не заканчиваются. Они просто становятся тихими.

ГЛАВА 18. 2-НДФЛ как высшая форма романтики

Иногда люди появляются в жизни тихо, почти незаметно. Без фанфар, без вспышек, без «вот теперь всё изменится».

Просто — сообщение.

Так и появился Боровский.

Он тоже был из молодёжной коллегии.

Когда-то Изольда видела его мельком — серый костюм, ровный пробор, типичный представитель тех, кто пишет доклады, а не историю. Она его не запомнила: два заседания, ни одного личного разговора.

Мало ли вокруг таких.

А потом — утро, матча с фисташками остывает, и вдруг «Влад Боровский» стучится в личку.

«Ты есть в инсте?» — спросил он, будто проверяя нечто большее, чем просто аккаунт.

Инста? А что, без неё люди теперь перестают существовать? — хмыкнула про себя Изольда и ответила, что она не медийная, работает в школе, и её мир теперь не клубы и тусовки.

Влад держался корректно.

— Ты же скромная)) ничего что написал тебе?)

Скромная? Оригинально. Обычно начинают с «привет, красотка».

— Я уже покраснела от скромности и ногти кусаю от волнения))

— Серьёзно, что ли?)

— Конечно, я на полном серьёзе))

— Мне просто интересно с тобой пообщаться))

Интересно... или ему что-то нужно?

Так и началось их общение.

Влад говорил, что он хранитель идеологической памяти. Изольда невзначай упомянула свой идеологический опыт. Потом разговор незаметно скатился к личному.

Изольда, разумеется, отвечала в своём стиле — с фирменным подстёбом. Она давно научилась держать дистанцию с мужчинами, особенно с теми, кто «просто хочет пообщаться».

Влад не стал тратить время на светские беседы и сразу перешел к «допросу»: замужем, парень есть или в активном поиске?

Изольда парировала в своем репертуаре:

— За ручку не гуляю — ладошки потеют, а обязательства — это слишком жарко для моей тонкой натуры.

Дальше пошла классика: вопросы как под копирку из Tinder.

Следом посыпались комплименты — из тех, что звучат так, будто их долго и мучительно выдавливали из тюбика.

— Ну да, фигура у тебя очень красивая))) есть кубики?))
Кубики... ага, taggi.

— Сковородку всегда под платьем ношу))

— Покажи))) мне интересно)))

Он серьёзно? Сковородку? Может, у него фетиш на кухонную утварь.

— Распродажи сковородок уже закончились)) Тебе такую всё равно не купить)))

— Мне правда интересно)))

Да ладно, уже начинаю бояться, что он и вправду ждёт фото сковородки.

— Я жирная)) Нет у меня пресса.

— Ой, не начинай)) даже слушать об этом не хочу)))

Не хочет слушать? А зачем спрашивал?

— Ахах, это было бы странно, потому что я каждый день тренируюсь.

— Вот именно)) поэтому ты уже совершенство)))

Слишком быстро. Слишком приторно.

— Ахах, совершенство для кого или для чего?)))

— Ты же для себя стараешься в первую очередь.

— И для детей, у нас спор)) Я хочу получить золотой значок ГТО.

— Как интересно))) а ты где живёшь?))

Так, пошли геоданные. Уже опасно интересно.

— Не в областном центре)) Я деревенская, тут ближайший человек — лось.

— Это особо не важно)) мне, кстати, деревенские больше нравятся))

— Чтоб коров доить умела?))

— Да необязательно) просто в деревне люди добрее) например, я точно знаю, что ты неспособна на хамство.

Уверен, что знает... откуда же такая уверенность, Влад?

Всё ясно, да? Любой нормальный мужчина после таких

фраз либо теряется, либо начинает подозревать психическое расстройство.

Но Боровский — нет.

Он почему-то не обиделся, не исчез.

Ответил спокойно, даже мягко:

«Я тебе верю. И с тобой не скучно».

Не скучно.

Вот это «не скучно» почему-то засело в голове Изольды.

Он позвал её гулять. Изольда отказалась — слишком настойчив он был.

В походе с ребятами из коллегии она рассказала Оскару про Влада. Тот лишь пожал плечами, но спросил детали.

А Влад продолжал писать. Изольда уставала от переписок и отшучивалась. Даже однажды написала, что у неё «нетрадиционная ориентация», чтобы отвязался.

— С кем живёшь? — не отставал он.

— С восемнадцатью кошками.

В следующий раз напишу — с крокодилом. Может, хоть тогда отстанет.

Он рассказывал про любовь к зиме и бане, будто пробрасывал куски своей жизни. А потом вдруг спросил:

— Тебе хватает зарплаты?

Вот это поворот. С чего бы ему знать, хватает мне или нет? Вежливость у него странная... как будто бухгалтер сидит за чатом.

Он изучал её как неизведанный материк. Спрашивал

про татуировки, пирсинг, даже родинки. Каждый вопрос — словно мазок кистью, которой он пытался набросать детальную карту её тела.

Я что — пособие по анатомии? Или он составляет на меня досье для Интерпола? Может, парень пишет диссертацию на тему: «Анатомические особенности и поведенческие паттерны саркастичной училки»?

Иногда называл её «прекрасной Маркизой».

Маркиза... изящно, но в его устах это звучит так, словно я — фигура на шахматной доске. А чья партия — он так и не сказал.

Спустя неделю общения Влад снова позвал Изольду гулять. Она была на форуме и отвечала на ходу.

— Ну, и когда мы увидимся?)))

Когда рак свистнет, милый.

— Ахаах, скоро.

— На нашей свадьбе?)

Вот так сразу? Без свиданий, без цветов, сразу под венец. Даже ЗАГС не успеет подготовиться.

— Ахах, не выбирай жену по обертке)))

— А я не по обертке))

— А как?

— По чувствам))

Пошла лирика. Осталось только признание в вечной любви и стихи из Интернета.

— Любовь живет три года))

— Все зависит от тебя)))

— Я бессердечная)))

— Ты любишь секс, тебя это спасёт)))

— Спасёт от чего?

— От скуки в семье)

Скука в семье... интересный набор «аргументов» у юриста. Словно у него перед глазами не жена, а трудовой договор.

Он всё чаще просил у Изольды фотографию в купальнике.

Каждый раз, как заезженная пластинка. Я начинаю думать, что его интерес к юриспруденции связан только с разделом «уголовка».

Эту просьбу он повторял так часто, что хотелось поставить автоответчик:

«Фотографии в купальнике закончились. Попробуйте позже».

Через десять дней общения Изольда наконец решилась на прямой вопрос.

— Мне немного непонятно твоё поведение. Почему ты ни разу не подходил ко мне лично, мы даже не здоровались, а тут вдруг ты решил написать и задаёшь достаточно личные вопросы? Какова твоя цель общения со мной?

Боровский ответил спокойно, почти холодно, будто заранее приготовился:

— Слушай, давай начистоту: тон личным темам задала ты, причем делала это, виртуозно меня подкалывая. В нашу по-

следнюю встречу я честно собирался подойти, но пока ловил момент — ты уже испарилась. Уверен, что за всем этим сарказмом скрывается чертовски интересный человек, и мне бы хотелось узнать его поближе. Если я где-то перегнул палку и задел тебя — скажи прямо. Цель у меня простая: хочу, чтобы мы подружились.

— Я не говорю о личном, я рофлю. Куда я могла испариться? Я всегда остаюсь на тусу после заседания и самая последняя ухожу. — Ничем не обидел, это крайне сложно сделать, я бессердечная же.

— Честно, я в замешательстве... Не понимаю твоих границ между правдой и стебом. Больше не промахнусь — в следующий раз подойду первым.

Он обещал подойти «в следующий раз».

И не подошёл.

Время шло, и вскоре он и вовсе включил режим амнезии, сделав вид, что того разговора никогда не существовало.

— Как дела?)

— Подработку взяла. Сосу у дальнобойщиков.

— Ой, отстань такую ерунду мне говорить.

Влад явно не оценил мой бизнес-план.

И вот тогда у Изольды зародилось странное ощущение, будто всё это — не просто переписка.

Как будто кто-то проверяет её реакцию.

Как будто наблюдает.

Не с экрана телефона — изнутри.

— *Может, он просто одинокий,* — пыталась себя убедить она.

— *Или, может, это вообще не он?..*

А потом подруга вдруг говорит:

— Я его знаю. Он в жизни тихий, стеснительный. Не мог он писать тебе такие вещи.

Иногда с ним переписывались школьники на переменах — Изольда давала им читать чат, и те в голос смеялись (да, у Изольды была такая невинная забава — разрешать детям переписываться с назойливыми поклонниками, пусть тренируются в жизни), Боровский всё равно продолжал.

— Ты даже вот фотки мне не скидываешь, боишься... Какая путана...

— Алло! Просто мне за них платят, а ты не предлагаешь.

Включаю режим бизнес-леди. Пусть почувствует рыночные отношения.

— Сколько? Я заплачу.

А вот и торгаши проснулся.

— 50 рублей фото.

Ну, так... тариф школьной столовой. Интересно, поведётся?

— Скидывай.

— Конечно, сначала деньги.

Сначала касса, потом зрелище. Всё как в театре.

— Я скинул.

— Сейчас мой сутенер в банк ходит и проверит.

— Заканчивай стеб уже.

Бедняжка. Реальность и юмор у него не дружат.

— А почему только сто рублей? Я вообще-то имела в виду сто тысяч. Ты меня принимаешь за дешёвую шкуру?

— Я уже начинаю злиться.

Фух, страшно-то как. Сейчас смайлик-кулак прилетит.

— Теперь напиши, что хочешь меня снова ударить.

— Всё, что я хочу) это твою фотографию.

Ага, опять по кругу: купальник, фото, купальник. Мания какая-то.

— Карася своего будешь передёргивать?

Даже дети рядом заорали: «Не добивай его?!»

— Не буду).

Удивительно. Хоть в чём-то твёрдый характер.

— Ты что, гей?

Пора было заканчивать с этими загадками и переходить к полевым испытаниям.

— Может, я просто влюблен в тебя.

Влюблён? В человека, с которым даже не поздоровался лично? Очень оригинальная форма любви — через текстовые квесты.

Чаще всего Изольда переписывалась с ним, когда кто-то был рядом. В компании смешно, не скучно. В одиночестве же эти сообщения иногда навевали холод.

— Я не целуюсь без любви, только... — и дальше Изольда пустила в ход шутку про дальнобойщиков.

— Ты сейчас серьёзно? — отреагировал Влад.

— Абсолютно серьёзно! Влад, включи логику, если бы я выбрала «горизонтальный» путь к успеху, я бы сейчас парковала «Порше» у дорогого отеля, а не выгрызала себе место в коллегии. Мой график был бы забит состоятельными господами, а не перепиской с тобой. Ты же вроде сообразительный парень, какого черта ты включаешь тормоза?

Школьники катались по полу от хохота. Для них это было просто шоу.

А Изольда чувствовала подвох. У нее в голове, как в замедленной съемке, прокрутилась вся их переписка с самого начала: странные вопросы про родинки, натужные комплименты, это загадочное «прекрасная Маркиза». Возникло стойкое ощущение, что по ту сторону экрана сидит не Влад, а кто-то совершенно другой. Кто-то, кто просто надел его имя, как маску, и теперь методично прощупывает её границы — проверяет, как далеко она зайдет в этой странной, навязанной игре.

— Если ты когда-нибудь будешь моей — будешь обеспечена.

— Почему ты так уверен, что мне будет достаточно твоих доходов?

— Я уверен)) Тебе хватит.

— Пришли мне справку 2-НДФЛ.

Справка — это единственное, что хоть как-то подтвердит его существование. Потому что Влада как будто и нет.

За всё это время он ни разу не записал «кружочек» или голосовое. Единственное визуальное подтверждение его личности — дурацкое фото с сайта коллегии, которое можно найти в поисковике за две секунды. Вся их переписка состояла только из текста. Изольда смотрела на экран и видела лишь безликие буквы — идеальное прикрытие для того, кто не хотел быть узнанным.

Совпадение? Возможно. Но подозрение, что она общается с призраком, крепло с каждым днем. В этой переписке чудилась какая-то странная связь — та самая, о которой твердят эзотерики: когда кто-то очень знакомый пишет тебе под чужим именем, не решаясь открыться. Словно за этим профилем скрывался целый штаб. Настроение сообщений менялось так резко, будто «Влад» — это посменная работа: один дежурный сегодня нежен, другой завтра циничен, а третий просто собирает досье.

Возможно, виной всему её собственные «баги»: вечное желание уколоть первой и раны, которые до сих пор не затянулись под слоем иронии. Но вы ведь чувствуете этот сквозняк? В этой истории явно присутствует кто-то третий. Или что-то, для чего у Изольды пока просто не хватает слов.

Их разговор вдруг зашёл про возраст.

— Тебе же 27 лет.

Ага, уверенность в голосе, как будто паспорт мой у него на столе лежит.

— А там, где ты узнал про мой возраст, про моих детей

не рассказывали?

— Не рассказывали).

Как мило. Значит, источники у него выборочные.

— У кого справки наводил?

— Неважно)) всё равно не скажу.

Опять включил адвоката дьявола. Обожаю эти его «не скажу» вместо ответов. Такое чувство, что он давал подписку о неразглашении собственной личности.

— Просто мне не 27.

— Я предположил)) мне всё равно, сколько тебе лет.

Конечно, пальцем в небо... Вот только в «двадцать семь» когда-то свято поверил лишь один человек — Оскар.

При их первой встрече он так старательно изображал Шерлока, собирая на неё досье, что сам придумал ей возраст. Изольда тогда просто промолчала — ей было лень спорить. С тех пор так и повелось.

Но Влад? Как эта специфическая ошибка перекочевала в его голову?

Школьники продолжали прикалываться над переписками.

Как-то раз Влад скинул деньги на торт для Милочки.

— Куда ты деваешь деньги?

— На ту тысячу я купила торт. Ведро чая 175 рублей, торт 800 рублей. Денег не осталось (.

Расписала всё по пунктам, будто готовила финансовый отчет для министерства. Никаких «серых» схем и неучтен-

ных расходов — всё прозрачно, до последней копейки.

— Чего молчишь?

Изольда перечитала.

Стоп. «ЧЕГО»... Вот именно так всегда пишет Оскар. В нагромождении сообщений такие мелочи обычно тонут, но сейчас эта деталь всплыла на поверхность, как улика. Чужая интонация в чужом тексте. Пазл сложился: за клавиатурой сидел кукловод.

Единственное, чего он добивался месяцами, — фотографию.

— Я дам денег тебе. Но ты должна мне фоточку.

Классика. Купи-продай в стиле дешёвого шантажиста.

— Отправлю, жди, надо же домой прийти, нарядиться.

— В смысле нарядиться?

О, не понял. Ну, значит, и дальше не поймёшь.

Изольда замолчала на пару дней. Потом снова взялась за переписку:

— Сначала деньги, потом фото.

— У тебя целая тыща.

— Ты про ту, которая на торт?

— Да.

— Скинешь на поесть? Вечером в шапке скину.

— В шапке?) зачем мне в шапке. Я просто не понял. При чём тут шапка.

— Тип круто.

— Очень глупо всё.

Глупо? Не то слово. Всё это время я заваливала его самым диким «трэшем», несла чепуху и откровенно провоцировала, а он даже не поморщился. Вместо того чтобы заблокировать меня после первой же выходки, «Влад» методично продолжал гнуть свою линию. Это было похоже не на ухаживания, а на лабораторный эксперимент. Кто-то там, по ту сторону экрана, с холодным любопытством проверял мой предел прочности — когда же я сломаюсь и перестану паясничать.

Их чат длился месяцами. Ну, как «их» — Изольда давно не чувствовала, что общается с одним человеком. Она даже прямо написала:

«Владя, у меня твои сообщения школьники читают. Не воспринимай всё серьёзно».

Хотела, чтобы понял: это игра. Но в игре всегда есть ведущий. И вот кто он — вопрос.

После очередного заседания Влад написал:

— У тебя красивое платье, на коллегии ты так мило сидела.

Приятно, что хоть заметил.

— Какую смысловую нагрузку ты закладываешь в слово «МИЛО»?

— Мило значит мило)) Эстетично, что ли)) Как мадам))

И тут меня перекосило. «Мадам». Так когда-то называл меня Оскар. Не самое распространённое слово, правда? Уж слишком совпадает.

По просьбе Изольды Кира попыталась выманить Боровского на консультацию, но тот ускользал, не назначая конкретного времени.

Когда они уже уехали в сторону дома Изольды, Влад неожиданно позвонил:

— Через 30 минут сможете подъехать?

Пришлось разворачиваться. Когда Изольда вышла к его машине, Влад даже не удивился. Он лишь опустил стекло и бросил с каким-то странным торжеством:

— Так и знал, что это будешь ты.

Она пыталась вытащить из него хоть намёк на правду. Но он держался глухо, как бетонная стена. Ни слова лишнего. И снова — загадки, загадки...

ГЛАВА 19. Миллиардерша на минималках

История закончилась? Как бы не так.

Если жизнь чему-то и научила Изольду, так это пониманию: финала не существует. Конец — это просто титры, после которых неизбежно начинается новый сезон того же сериала. Тот же жанр, те же грабли, только ставки повыше.

Молодёжная коллегия — место, где все старательно играют в «серьёзных взрослых», но в воздухе отчетливо пахнет жгучими амбициями и густой показухой. Дважды в год там устраивали тесты: один — про Великую Отечественную войну, другой — про историю Иркутской области. Изольда бы-

ла постоянным гостем со своей свитой из школьников. То ли совесть не позволяла бросить дело, то ли она просто привыкла быть тем самым человеком, который делает работу за всех.

И вот в январе её приглашают на заседание — вручить благодарность. Красиво же звучит, правда?

Торжественно, официально, будто бы признание.

Но спойлер: никто ей ничего не вручил.

Вообще. Просто — забыли.

Да-да, ту самую благодарность — не напечатали.

Она сидела на заседании с прямой спиной, ожидая, что вот-вот назовут её фамилию.

И... тишина.

— *Даже к лучшему,* — сказала она себе мысленно. — *Одной сомнительной грамотой в папке меньше. И не придется выдавливать из себя улыбку для официального отчета, когда на лице крупными буквами написано: «Номинация за терпеливость в окружении бюрократов». Кому нужен этот театр?»*

К мероприятию Изольда готовилась, как к премии «Женщина года». Неделью выбирала наряд, советовалась с ученицами, спорила с зеркалом.

В итоге победил бордовый брючный костюм, который делал её похожей на девушку, способную уволить министра одним взглядом. Волосы уложили в безупречную «шишку» — ни один волосок не посмел нарушить дисциплину. Над ма-

кияжем трудился школьный десант стилисток: в итоге стрелки получились настолько острыми, что ими можно было не только соблазнять, но и вскрывать вены реальности.

— Отлично, — сказала она, глядя в зеркало, — вид такой, будто я только что отсудила у бывшего мужа-миллиардера всё, включая его коллекцию яхт.

Под строгим пиджаком скрывалась блузка в черепах, в ушах поблескивали серьги — тоже черепа, а на шее висела цепь размером с якорь «Титаника».

— *Хороша, чертовка,* — шепнула она зеркалу. — *Если грамота мне сегодня не светит, то фурор я себе точно обеспечу.*

Заседание тянулось в лучших традициях чиновничьего анабиоза: сухие цифры, бесконечные отчеты и речи, вязкие, как несвежий мед. И вдруг — в зал входит она.

Та самая «пассия» Оскара.

Изольда прищурилась, пытаясь осознать цель этого визита. А потом догадалась — тоже за грамотой.

И вот ирония судьбы: ей тоже ничего не вручили.

Космос любит баланс.

«Отлично, — ухмыльнулась Изольда, — *теперь у нас с ней общий статус. Клуб «Забывтые герои». Надо бы придумать эмблему — грамота с подписью «не судьба».*

После заседания Изольда вышла на улицу — в своём бордовом великолепии, уверенная, что вечер окончен.

Но провидение, как обычно, решило добавить перцу.

Возле здания стояла машина.

За рулём — девушка Оскара.

Оскар — на пассажирском сиденье.

Всего секунда — и их взгляды пересеклись.

И всё.

Сердце рухнуло в пятки, потом подскочило обратно — и заколотилось так, будто внутри кто-то начал отбивать чечётку.

В коленях — ватная слабость.

— *Чёрт, — подумала она, — опять. Когда уже этот эффект пройдёт? Может, есть таблетки от любви? Или нужно просто купить шесть котов и подписку на «Кинопоиск»?*

Она выдохнула.

Собралась.

— *Так, Изольда, ты сильная. Всё, точка. Эпоха закончилась.*

Кстати, Боровский тоже был на заседании. И, как обычно, издали наблюдал, не решаясь подойти.

«*Всё как всегда, — с сарказмом отметила Изольда. — Стоит, будто в засаде, а потом будет писать в личку: „Ты сегодня прекрасно выглядела“. Да-да, спасибо, заметил, хоть кто-то».*

Когда она шла домой, снег падал мягко, крупными хлопьями. Бордовый костюм стал казаться слишком ярким для серого вечера. А в голове крутилась одна мысль: «*А вдруг*

это всё ещё не конец».

ГЛАВА 20. Мастер-класс по анти-соблазнению

Ничего не предвещало беды.

А может, наоборот — всё предвещало. Просто Изольда, как всегда, предпочла этого не замечать.

Последние дни она была не в духе. Даже тренер заметил.

— Изольда, ты чего такая мрачная?

— Собираю пакет документов на повышение категории, — без тени эмоций ответила она.

Хорошо звучит, да? Серьёзно, целеустремлённо. Хотя стоит отметить, что собрать этот пакет — настоящий кропотливый труд. Многие учителя сдают и не повышают свою категорию, но Изольда упряма. Если уж берётся за дело, то доводит его до конца.

Только вот мы-то знаем, что дело было не в бумагах.

Настоящая причина — тоска.

По Оскару.

Такая тихая, липкая тоска, которая не отпускает даже на беговой дорожке, где должны быть пот и концентрация, а не обрывки чужих воспоминаний.

Вечером, в 19:14, когда Изольда как раз собиралась смиренно тосковать на беговой дорожке, телефон вспыхнул, как новогодняя гирлянда.

Арсений.

Сообщение за сообщением: «Изоolda. Изоolda. Изоolda...» — двенадцать раз подряд. Ровным столбиком, без знаков препинания.

Мужчина, который пишет твоё имя двенадцать раз, либо в беде, либо пьяный. Был, конечно, и третий вариант — он что-то задумал. И этот вариант пугал её больше первых двух.

Первая мысль: *«Чего надо? Иди лесом со своим другом».*

Но Изоolda была человеком отходчивым, особенно когда на горизонте маячил Оскар.

Арсений сообщил, что они соскучились и едут к ней.

— *Конечно,* — фыркнула она. — *Сейчас как подъедут. На розовом единороге.*

Но, как ни странно, они приехали.

— *К черту душ!* — решила Изоolda, ослепив администратора спортзала своей эйфорией. *Если судьба уже паркуется, нельзя дать ей одуматься и уехать.*

Из зеркала на неё смотрела «красавица». Та самая, которая обычно просит мелочь у метро или кормит голубей в парке, обсуждая со всеми политику. Замызганные, повидавшие жизнь угги, пуховик-пузырь и гигантская шапка, в которой можно перевезти контрабандой небольшую семью, а главное — рукавицы-ежатки для завершения образа городского безумца. Волосы? Стянула в хвост, завязанный левой пяткой.

Именно в такие минуты мироздание и говорит: «О, идеальный момент для встречи всей жизни! Выпускайте кра-

кена!». И вот ты стоишь, хлопаешь ресницами, на которых тает снег, и понимаешь: если он полюбит тебя такой, значит, это действительно магия. Или у него очень плохое зрение.

На улице она озадаченно оглядывалась. Фары. Машина.

«Вот он, его мерседес», — мелькнула мысль.

Нет. Из соседней машины выскочил Оскар — в шарфе, в хорошем настроении и явно без Mercedes.

Urus. Чёрный.

Арсений подхватил её сумку, закинул в багажник. А Оскар... просто обнял её.

Коротко, почти невзначай, но тепло.

И всё. Внутри всё перевернулось.

Арсений аккуратно усадил в машину Изольду, закрыв за ней дверь. Сам сел назад. Внутри уже сидел Игорь. «Стоп... Это кто?» — мысленно ахнула Изольда. Этого парня она раньше не видела.

— Что вообще происходит? — подумала она.

Всего пару часов назад она собиралась пережить свою тоску на унылой тренировке, а теперь едет в «Урусе» с мужчиной мечты и его друзьями.

«Сценаристы, вы вообще адекватные?» — пробормотала она себе под нос.

Оскар вел машину, комментируя каждое знакомое место.

— Помнишь, здесь мы гуляли?

— Помню, — кивнула Изольда, и сердце сделало трюк с

двойным переворотом.

У Оскара были свои, почти интимные отношения с ГИБДД — его останавливали всегда и везде, словно он был единственным источником их вдохновения. Смеялись, что даже в провинциальном городе его дорожная карма не даст сбой. Так и вышло. Гаишники возникли из ниоткуда почти мгновенно. Проверка была недолгой, но традиция осталась нерушимой.

— Да он свою бывшую пришел и в лесу прикопал, — хотнул Арсений, — так что ты ему мозг не выноси.

Изольда поддержала смех, но холодок по спине пробежал. Шутка шуткой, а в каждой шутке есть доля трупa.

Кто знает, что там на самом деле закопал Оскар? Может, и не тело, но чувства глубоко и без права на эксгумацию.

В кино она чувствовала себя начинкой в сэндвиче: слева Арсений, справа Оскар. Сплошное эмоциональное давление.

На экране шёл триллер, на сидении — драма.

В самый мерзкий момент фильма они с Оскаром, не сговариваясь, синхронно выдали на весь зал: — Фууу, бляяя!

И тут же переглянулись, будто узнали друг друга в зеркале.

— *Совпадение?* — мелькнуло в голове у Изольды. — *Не думаю.*

После кино заехали за шаурмой. Оскар сел у окна, напротив — Арсений. Изольда отказалась от еды — нужно было сохранять образ девушки ЗОЖ и спорта, хотя на самом деле из-за волнения кусок не лез в горло.

И тут — самое ужасное. Её ноги решили жить собственной жизнью.

Сжались.

Коснулись коленей Арсения.

— *Прекрасно,* — мысленно простонала она. — *Я не могу контролировать даже нижние конечности.*

Арсений только хитро улыбнулся:

— У вас же идеальный гороскоп совместимости! Вам надо быть вместе.

Изольда застыла.

Откуда он знает про гороскоп?!

Значит, Оскар говорил о ней. И сердце взорвалось фейерверком. На обратном пути заиграла песня Мурата Насырова «Я — это ты, ты — это я».

Изольда не выдержала и подпела.

— Оскар, ну и вкус у тебя! Чисто дедовский.

Он улыбнулся, но ничего не ответил. А внутри у неё всё снова перевернулось.

Когда ехали домой, на пустом кольце Осик вдруг решил похулиганить. Вместо того чтобы съехать на нужную улицу, он заговорщицки глянул на Изольду и крутанул руль, заходя на второй круг. Потом на третий, на четвёртый... Это маль-

чишество подкупало сильнее любых пафосных признаний. Изольда хохотала, чувствуя, как внутри всё расслабляется: в эту минуту не было никакого прошлого или будущего, только их «карусель» и странное ощущение абсолютного счастья.

Когда подъехали к дому, она не хотела выходить. Он обнял её — коротко, но с тем самым теплом, которое потом неделями чувствуешь на коже.

Спустя пару часов — добавление в друзья.

Он.

Изольда усмехнулась и написала:

— Мужчина, вы кто?

Пара сообщений. Пара лёгких фраз. И пожелание доброй ночи.

Казалось бы, ничего особенного.

Но для Изольды это было как глоток воздуха после долгого плавания под водой.

«Я — это ты, ты — это я», — напевала она, выключая телефон. — «А может, всё-таки не зря?»

ГЛАВА 21. Геометрия близости: Дистанция как форма власти

Иногда кажется, что жизненный ритм подаёт сигналы. Только вот — понять, что это сигнал, а не помехи, удаётся не сразу.

Так вот, в тот день Изольда почувствовала — *что-то ме-*

няется.

Не то чтобы бабочки в животе, нет. Скорее — тихий внутренний ток, от которого даже воздух становится чуть плотнее.

Когда ребята тогда приехали, что-то дрогнуло в ней. Словно мир шепнул: «Видишь? Ты не зря ждала. На тебя не наплевать».

И это было так нелепо, так по-детски... но — чертовски живо.

4 марта. Заседание молодёжной коллегии. Зал был наполнен звуками, которые Изольда знала наизусть: ритмичный треск дешёвых шариковых ручек и мерный гул голосов. Кто-то с пафосом вещал о спасении кошки, выдавая это за подвиг года, кто-то в углу ожесточенно спорил о бюджетах, которых никто из присутствующих в глаза не видел.

А между ними — Изольда и Оскар.

Они сидели напротив, и всё происходящее вокруг будто рассыпалось в туман.

Взгляд. Просто взгляд.

Но какой.

Тот, от которого дрожат пальцы и перестаёшь помнить, на какой странице протокола остановилась.

Он смотрел прямо, спокойно, но в его взгляде было что-то... слишком.

Слишком внимательное.

Слишком личное.

Слишком такое, от чего хочется отвернуться — и при этом не можешь.

Изольда чувствовала, как внутри поднимается волна — не страсти, нет, а какого-то тихого узнавания.

Как будто они оба вспомнили что-то, что ещё не случилось.

Она первой отвела взгляд.

— *Всё, хватит,* — сказала себе. — *Не драматизируй, женщина. Это просто взгляд. Просто человек. Просто коллегия.*

Но сердце, этот жалкий предатель, уже вовсю отстукивало по ребрам азбуку Морзе: «Врёшь. Ты всё ещё там. Ты не отпустила».

После заседания вся компания отправилась в кафе.

Ничего особенного — просто кофе, булочки, разговоры про проекты.

Оскар сел рядом. Слишком близко. Настолько, что можно было ощутить тепло его руки сквозь рукав.

Изольда засмеялась, ущипнула его за ляжку — вроде бы в шутку, вроде бы по привычке.

А внутри у неё всё взорвалось.

«Зачем я это сделала? Господи, я взрослая женщина, а веду себя как подросток на первом свидании!»

Но его молчаливая улыбка стоила всех неловкостей мира.

И всё же... между ними стояло что-то невидимое.

Как будто они оба играли в игру без правил — где шаг

навстречу равен поражению.

7 марта.

День рождения Оскара.

Изольда долго думала — поздравлять или нет.

С одной стороны, можно было бы промолчать. Но молчание — это явно не её суперсила. Когда пальцы уже всю клавиатуру, остаётся только одно: сдать на милость тексту и нажать на «отправить».

Она выбрала свой фирменный стиль — дерзкий, открытый, такой, чтобы спрятать за смехом настоящие чувства:

«Мой любимый Оскарчик, не переживай: 22 — это не так много!

Найдём тебе жену, чтобы сосала хорошо даже с зубами, и чтобы ягодички аппетитные были.

И детей тебе родила — таких же умных, как ты!

С днём рождения! Целую, обнимаю».

Отправила — и замерла.

«Что я творю вообще? Это поздравление или автобиография моей фрустрации?»

Он ответил только на следующий день. Связи не было — поход, горы, всё дела. Его ответ был коротким, без эмоций.

С тех пор Оскар стал каким-то... другим. Сухой. Отстранённый. Как будто его взгляд и его слова существовали в разных измерениях.

Он мог смотреть — и прожигать. А потом — молчать сутками, будто всё то тепло ей приснилось. И это было страшно.

Потому что, когда ты начинаешь верить, а потом осознаёшь, что всё это только в твоей голове — будто тебя бросают, хотя официально никто и не приходил.

Она всё равно писала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.